

Н О В Ы Й Г Р А Д

под редакцией

И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова

5

П А Р И Ж

1932

Голоса времени

Содержание:

<i>От редакции.</i> Голоса времени	3
<i>Г. Федотов.</i> Падение советской власти	10
<i>И. Бунаков.</i> Хозяйственный строй будущей России	21
<i>Н. Бердяев.</i> О смене поколений и о вечном возвращении	36
<i>П. Савицкий.</i> Пятилетний план и хозяйственное развитие страны	43
<i>С. Гессен.</i> О пятилетке и проблемах хозяйственной автаркии	56
<i>Б. Ижболдин.</i> Новая фаза капитализма	68

Идеи и жизнь

<i>И. В. Гессен.</i> Письмо редакции	80
<i>Ф. Степун.</i> Ответ И. В. Гессену	86
<i>Мон. Марія (Скобцова).</i> К дѣлу	93

Книги

<i>Н. Лосский.</i> Н. Bergson. Les deux sources de la morale et de la religion. <i>П. Бицilli.</i> В. de Jouvenel. L'économie dirigée. <i>Б. Ижболдин.</i> Demant. This unemployment	99

Вступая во второй год своего существования, «Новый Град» дѣлает еще один шаг к конкретности: от установления основ христіанскаго общаго дѣла — к проекціи их на современность. Большинство статей настоящаго номера посвящены Россіи. Въмѣстѣ с тѣм мы дѣлаем опыт обзора главнѣйших событій политической и соціальной жизни міра. Мы не преслѣдуем цѣлей информаціи. Мы хотим лишь давать оцѣнку, вести баланс творческих и разрушительных сил, в бореніи которых рѣшается судьба нашей культуры.

**

Настоящее состояніе міра может быть охарактеризовано, как передышка: как затишье между грозами, как отсрочка, подаренная «исторіей» тѣм, в чьих руках, если не управленіе, то направленіе событій. Быть может, послѣдній шанс. И вот прежде всего мы должны подчеркнуть, что этот шанс для нас вполне реальная величина. Мы не вороны, каркающіе о гибели. Нам как нельзя болѣе чуждо злорадство пессимизма, хотя бы оно питалось славянофильски-евразійским противоположеніем Россіи Европѣ или христіанско-апокалиптическим чаяніем послѣдняго Суда. Мы хотим честно отнестись к данному «шансу», не преувеличивая его значенія. Выкинутые жизнью из родины и міра, мы добиваемся такой установки сознанія, при которой могли бы ощущать себя соучастниками и соработниками общаго дѣла. В час грозной опасности одинаково являются врагами и дезертирами общаго дѣла, как тѣ, кто этой опасности не хочет видѣть, так и тѣ, кто заранѣе объявляют борьбу безнадѣжной.

**

Эта осень принесла нѣкоторое смягченіе экономического кризиса. Первые благоприятные показатели отмѣтила нью-йоркская биржа, которая два года тому назад дала сигнал к катастрофѣ. Уже в Германіи, гдѣ безработица всего болѣе свирѣпствовала, промышленность переживает нѣкоторое оживленіе. То же говорят о Франціи. Правда, эти симптомы еще весьма слабы. Во Франціи многіе их не замѣчают. В Англии как раз за послѣдніе дни движеніе безработных приняло бурныя формы массовых демонстрацій и уличных побоищ. Тѣм не менѣе эти симптомы реальны. Мы хотим надѣяться, что близкое будущее их оправдает, и кризис постепенно смягчится. Ужасная судьба десятков миллионов безработных, среди них прежде всего наших соотечественников, всего тяжелѣе страдающих в больных ксенофобіей странах-мачехах Европы, заставляет хвататься и за соломинку надежды. В смягченіи кризиса нѣтъ ничего невозможнаго и для того, раздѣляемаго нами, воззрѣнія, по которому мы переживаем не просто конъюнктурный кризис, не кризис роста, но кризис конца капитализма. Мы только не обольщаемся надеждой на длительность и силу этого подъема. Мы убѣждены, что, с закрытіем или ограниченіем внѣ-европейских рынков, старый капитализм не может справиться с проблемой сбыта. Переход его в новыя формы требует энергичной организациі хозяйства. Ни коммунизм, который живет мечтой о «штурмѣ» капитализма, ни социализм Второго Интернаціонала, который ведет классовую борьбу в рамках капиталистического строя, не приносят творческаго, «конструктивнаго» рѣшенія проблемы. Государство и хозяйственные организаторы, наиболѣе проинициательные, наиболѣе отвѣтственные из людей «стараго міра», продолжают держать в своих руках средства реконструкціи. Это они ставят в современной Германіи интересный опыт «связаннаго капитализма». Реформы нерѣдко производятся людьми старых классов, консервативных традицій (англійская аристократія, Бисмарк, Александр II). Но почти всегда необходимое для них условіе — давленіе снизу, угроза революціи. Без этого давленія классовый интерес господствующ-

щих слоев не имѣет стимула к самопреодолѣнію. Одним из величайших несчастій послѣвоенной Европы является политическая слабость пролетаріата. Несмотря на всю свою численность и возросшую обеспеченность, он отходит на задній план, уступая партіям мелкой буржуазіи и интеллигенціи, вчера совершенно ничтожным. В этом сила фашизма. Кто теперь не грозит государству революціей? Чиновники, крестьяне, студенты, національныя меньшинства и націоналисты господствующих націй. Только рабочій пассивен в своем лойяльном большинствѣ, — судорога коммунистической горсти не в счет. Вѣроятно, причиною этого является слабость водительства, отсутствіе настоящей социальной программы мирнаго социализма. А за этим стоит: ложная, спекулирующая на разрушеніи, не вдохновляющая к творчеству марксистская доктрина и парламентское безволіе вождей.

Пролетаріат должен имѣть знамя, под которым он мог бы бороться не за кусок хлѣба, а за переустройство общества. Тогда лишь, под давленіем твердой социальной воли народных масс, искуснѣйшіе и дальновиднѣйшіе организаторы могли бы относительно безболѣзненно спланировать спуск с опасных высот классическаго капитализма.

**

Все лѣто, послѣ безрезультатных конференцій в Лозаннѣ и Женевѣ, мір лихорадил войной. Никогда еще, со времен перемирія 1918 г., человечество не е подходило так близко к краю пропасти. Государственные дѣятели всѣх стран, носители официальнаго оптимизма, не скрывают опасности войны, в случаѣ срыва разоруженія. В самом дѣлѣ, мы слишком хорошо знаем современную механику войны, когда, в силу технической диалектики вооруженій, пушки начинают стрѣлять сами собой.

За эти мѣсяцы наш баланс может зарегистрировать слѣдующіе минусы и плюсы. Влѣво от черты — видимая неудача весенней Лозанны, переход власти в Германіи к націоналистам и требованіе Германіей равноправія в вооруженіях. Направо — отмѣна репараций, замѣна кабинета Тардье кабинетом Эррио во

Франції, продолжающиеся переговоры, признаки смягчения французской программы. Огромные трудности заключаются в примирении национальных точек зрения: равенство в разоружении (требование европейской оппозиции), безопасность сначала или организация международной вооруженной силы (Франция и ее союзники), разоружение при невмешательстве в дела Европы (Америка, отчасти Англия). За этими расхождениями в средствах стоят противоречия политических целей. Для одних — сохранение status quo, для других переделька мировой карты и мирных договоров. Есть четыре страны в мире, бряцающих оружием, воспитывающих свою молодежь для войны: Германия во имя национального равноправия (пока) и отмены Версальского мира победителей, Италия и Япония во имя религии государственного эгоизма, СССР во имя борьбы с буржуазным миром. Трудно сомневаться в миролюбии Франции, Англии и Америки. Их пацифизм однако скомпрометирован тем, что они защищают плоды победы, т.-е. увековечивают несправедливость. По-прежнему узел войны и мира лежит во франко-германских отношениях. Примирение Германии и Франции обезвредило бы империализм итальянский и, до поры до времени, советский: СССР нуждается в мире в период его индустриальной реконструкции. Ясно, что без пересмотра Версальского мира франко-германское сближение невозможно. Но и одна уступка Германии, как бы ни были она широка, не обеспечивают мира. Время для них в значительной степени упущено. Националистическое безумие, которым охвачены широкие массы немецкого народа, оправдывает потребность Франции в безопасности. Лишь некоторые обязательства со стороны Англии и Америки, одновременно с ревизией Версаля, дают ключ к решению проблемы мира.

Разумеется, этот политический ключ предполагает иной, моральный. При настоящем состоянии умов об политических предпосылки мира кажутся почти утопией. Сейчас министры всех стран, ведущих переговоры, чувствуют за спиной огромное давление народов, отстаивающих свои национальные интересы, и почти не испытывают воздействия партии мира. Но интересы непримиримы, и согласование их невозможно. Необходима жерт-

ва национальными интересами — то, что националисты всех стран считают национальной изменой. Моральное разоружение народов должно предшествовать политическому. Но оно возможно лишь на почве отказа от признания национальных интересов, как высшего критерия в политике. Есть наивные люди, которые радуются единодушию французского общественного мнения, поддерживающего Эррио. Само единодушие Франции (Германии, Америки) говорит о безнадежности мирового соглашения. Только внутринациональные конфликты (например, проскользнувший слух о разногласии Эррио и ген. Вейгана) дают некоторую надежду. Меньшинства всех наций должны протянуть друг другу руки, прежде чем они станут большинством у себя дома. Это невозможно без временного раскола национальных сил. Без раскола, без борьбы невозможен тот огромный перелом в сознании, который требуется делом морального разоружения. Должно быть создано массовое движение народов против войны, и в этом движении христианские церкви должны занять первое место. В средние века Церковь не поддерживала только, но создавала движение «Божьего мира». Пора на Западе вынуть из ризниц древние хоругви и создавать армию «Божьего мира».

Русская эмиграция, по понятным причинам, в массе своей больна гипертрофией националистических настроений. Но наша печать грешит и другим: поразительной легкостью рецепции — не русских, а чужих — национальных точек зрения тех стран, в которых мы живем. Русские во Франции и в Германии говорят на разных языках. Было время, когда мы, русские, гордились тем, что являемся единственными европейцами в Европе. Как далеко оно ушло! А казалось бы, нансеновский паспорт обязывает к сверхнациональному гражданству. И не к европейскому только, а всемирному, ибо Европа уже не обнимает ни Лиги Наций ни реального политического человечества.

**

В центре политического клубка событий, безспорно, стоит Германия. Ее внутренняя политика оказывается внешней,

т.-е. в настоящее время самой ответственной и острой, для Европы. Судьбы войны и мира рѣшаются в борьбѣ германских партій за власть. Нѣсколько мѣсяцев тому назад націонал-соціалистическая революція казалась неизбѣжной. В накаленной атмосферѣ всенароднаго безумія Гитлер шел к власти, сметая слабыя защитныя сооруженія демократіи. Демократія пала, но вмѣстѣ с нею, повидимому, начался закат и Гитлера.

Вождь потерял темп революціи и выпустил власть, которая сама давалась ему в руки. Он оказался далеко позади своих учителей в революціи: Ленина и Муссолини. Но, конечно, спайка націонализма и социализма в одном движеніи — явление слишком серьезное и характерное для нашего времени, чтобы распасться от гитлеровскаго провала.

Паденіе демократіи, защищавшей в Германіи дѣло мира, принадлежит к самому крупному пассиву в нашем балансѣ. Хуже всего то, что демократія не была уничтожена насиліем, а сама себя упразднила. Не сумѣв составить парламентскаго большинства, она сдѣлала объективно невозможным парламентское управление Германіей. С другой стороны, располагая вооруженными силами, она позволила на своих глазах вырасти огромной революціонной арміи (с воздушным флотом!), которая не уничтожила ея только потому, что она сама себя раньше упразднила, передав власть Гинденбургу. Здѣсь обнаружилась не германская только, но общеевропейская слабость демократіи, всегда выступающая в эпохи кризисов. 1) Парламентаризм не создал формы легальной диктатуры, совершенно необходимой при отсутствіи парламентскаго большинства. 2) Демократія, как политическая психологія, слишком отяжелѣла и разоружилась — до неспособности защищать себя.

В итогѣ у власти правительство юнкеров — класса уничтоженнаго революціей, не имѣющаго никакой опоры в странѣ, т.-е. в политических организаціях. Пален держится на том, что не раз в исторіи революцій обезпечивало торжество монархій: на расколѣ народных стихій, при котором и красные и коричневые смотрят на монархистов у власти, как на меньшее зло. Но задачи, стоящія перед Германіей так огромны, а юнкерская программа так мизерна, и по существу реакціонна, что едва ли

реставрація Гогенцоллернов на очереди дня. Крушеніе демократіи вызывает усиленіе революціоннаго крыла рабочаго движенія и одновременно революціоннаго крыла фашизма. Союз коммунистов и націонал-соціалистов в берлинской транспортной стачкѣ — очень серьезное предупрежденіе.

**

Россія снова на поворотѣ своего колеса — колеса пыток, к которому она прикована 15 лѣт. Пятнадцатый юбилей революціи совпадает с кризисом пятилѣтки. Она еще живет, еще продолжается в безумных темпах строительство на костях, но темпы явно падают, движеніе выдыхается, кривая индустриальнаго роста уже приближается к прямой. Никто не сопротивляется, никто не борется даже за свою жизнь... Но рабочія силы падают от недоѣданія и истощенія. Дезорганизація транспорта, разстройство плана давно уже наступили. Голод свирѣпствует и в городѣ и в деревнѣ, разоренной экспериментами раскулачиванія и коллективизаціи. Пятилѣтка требовала ежегоднаго огромнаго вложенія капиталов в промышленность — в промышленность нерентабельную, — и эти капиталы (в видѣ сырья и продовольствія) могла дать только деревня. И здѣсь Сталин, несомнѣнно, просчитался. До сих пор російскій «соціализм» питался эксплуатаціей частно-хозяйственнаго сектора, т.-е. главным образом единоличнаго крестьянскаго хозяйства. Уничтожая мужика и превращая его в государственно-крѣпостнаго рабочаго, в угоду марксистской схемѣ, Сталин подрывал весь фундамент пятилѣтки. Сталин послѣдній из марксистов среди учеников Ленина. Но и он марксист, т.-е. полуслѣпой. Расплатится ли кривой вождь слѣпых за свое роковое водительство? Народ умирает молча, но партія уже ропщет. Против Сталина зрѣют заговоры. Какіе пути открываются перед Россіей? Сумѣет ли диктатор еще раз отыграться малым или большим нэпом или поворот руля направо выметет его из Кремля? Вопрос о его преемниках волнует сейчас всѣх. За личным вопросом о диктаторѣ встает вопрос о формах ликвидаціи коммунистическаго этапа русской революціи.

Паденіе совѣтской власти

НАД КНИГОЙ С. ДМИТРІЕВСКАГО

«Совѣтскіе портреты» С. Дмитріевскаго должны составить эпоху в зарубежной политической литературѣ. Впервые раздвинулись перед нами кремлевскія стѣны, и мы увидѣли актеров русской революціонной трагедіи в их подлинный рост. Под маской героев С. Дмитріевскій показал нам дѣловитых «сановников», уже страдающих от ожиренія, но увѣренных в своих силах, способных, волевых, но живущих в мѣрѣ вѣдомственных дѣл, подобно министрам стараго режима. Спрашиваешь себя, да какую же роль играет марксистская догматика в работѣ этих дѣльцов, столь трезво учитывающих и обстановку и человѣческій матеріал? Порой начинает казаться, что эта роль соответствует православной и славянофильской идеологии, которая когда-то могла вполне искренне заполнять сознание сановников самодержавія, мало отражаясь на текущей бюрократической работѣ. Как и тогда, основное направленіе этой работы предопредѣлено исторіей. Там — охраненіе имперіи, здѣсь охраненіе ленинской революціи, которое оказывается возможным лишь на путях ея дальнѣйшаго углубленія. Читая очерки Дмитріевскаго, скорбно убѣждаешься, как сильно мы грѣшим, переоцѣнивая процесс коммунистическаго вырожденія. Будь сталинцы людьми термидора, насколько безболѣзненнѣе проходил бы спуск революціи. К великому несчастью Россіи, она управляется не жуликами. Слово «идеалист» еще менѣе к ним подходит. Но, может быть, правильнѣе всего было бы назвать их идеологическими дѣльцами. А эта порода всего опаснѣе. Из книги Дмитріевскаго мы неожиданно узнаем, что всѣ «молодые» вожди сталинской эпохи — с довоенным партійным стажем. Пусть это самые послѣдніе призывные года старой гвардіи, но до сих пор еще бывшіе подпольщики правят Россіей. Харак-

терно указаніе, что в бытовом обиходѣ Кремля и в моральных вопросах партійцев старья большевички из ленинской эмиграціи — авторитет, с которым всѣ считаются. И это несмотря на политическое пораженіе всѣх ленинских соратников! Партія все еще сохраняет свою сектоподобную монолитность, которой не разрушил режим личной деспотіи Сталина.

Впечатлѣніе огромной силы власти, еще не растроченной к 15-му году революціи, выносишь из этой книги, — впечатлѣніе дополняемое изображеніем чудовищной организаціи ГПУ. Распыленное, деморализованное страхом и голодом населеніе, — и над ним нѣсколько миллионов властвующих, подчиненных строгой іерархіи партіи и ея вождей, — картина, от которой сжимается сердце за русскій народ и его будущее.

Сам автор от пессимизма весьма далек. Желѣзная машина власти изображается им с большим паѳосом: автор, очевидно, принадлежит к очень распространенному нынѣ типу людей, которым импонирует всякая власть. В предисловіи он с неожиданным для вчерашняго большевика восторгом рисует царскую власть в Россіи. Аракчеев и Побѣдоносцев принадлежат к числу его героев. Но С. Дмитріевскій, конечно, враг коммунизма. Он вѣрит в національную Россію, в ея освобожденіе от коммунистическаго ига. В статьѣ своей в № 3 «Утвержденій» он призывает зарубежную молодежь к активной борьбѣ за сверженіе власти, к образованію національно-революціонной партіи. Кажется, мы присутствуем при образованіи новаго типа — несомнѣнно, «пореволюціоннаго» — активизма в эмиграціи. До сих пор эмигрантскій активизм был удѣлом ископаемой политической формации. Безумное геройство слѣпцов, если не могло нанести Россіи существеннаго вреда, то все же отдаляло, в мѣру слабых их сил, ея освобожденіе. Новая національно-революціонная партія еще не сложилась. Она еще может отлиться в разныя формы. Хотим надѣяться, что она не поддастся соблазну «соціальной монархіи» Дмитріевскаго или младороссов. Но, помимо вѣрно найденной политической программы, успѣх ея будет зависеть от правильно избранной тактики. Быть может, даже в большей мѣрѣ от тактики, — ибо для разработки программ будет еще время — в Россіи.

волюцией. Здесь точка зрѣнія Деманта напоминает учение германских націонал-идеократов, стремящихся преодолѣть «психоз экспорта» введеніем ввозных и вывозных контингентов. Почти к тому же выводу приходит и Демант, настаивающій на обмѣнѣ эквивалентами и на отказѣ от искусственной активизаціи платежнаго баланса Англіи. Отказавшись от психоза экспорта, Англія выявит — по мнѣнію автора — психологическую природу безработицы, являющейся результатом прогресса. Однако осознаніе технической революціи не превратит «кризис от избытія» в полную побѣду человѣка над природой, пока не будет измѣнена калькуляція себѣстоимости, свойственная капитализму. Здесь Демант опирается на учение Холли, смотрящаго на банки, как на создателей кредита внѣ народнаго накопленія, и вновь сближается с германскими націонал-идеократами, требующими пониженія рыночной цѣны путем отказа от амортизаціи безработных машин. Однако он идет еще дальше, настаивая на необходимости давать безвозвратный кредит производителям при их затратах на капитальное строительство. Лишь в

этом случаѣ он надѣется устранить фатальный разрыв между рыночной цѣной и покупательной силой населенія. Так сейчас — по его словам — производитель, кредитуемый банком, повышает себѣстоимость продукта на всю сумму предоставленнаго ему в банковских книгах кредита, не составляющаго чьего-либо дохода, — что и вызывает сверхпропорціональный подъем цѣн в отношеніи покупательной силы населенія. Повидимому, автор предлагает передать функцію «созданія кредита» самим потребителям и тѣм понизить себѣстоимость продуктов до такого предѣла, что вся себѣстоимость, превратившаяся в сумму доходов производителей (фабриканта, рабочих и проч.), легко будет соотвѣтствовать с покупательной силой потребителей.

Насколько цѣнными представляются нам критика процесса рационализаціи и психоза экспорта, и подробный разбор ряда англійских теорій о хозяйственном кризисѣ, настолько же мы считаем неудачными тѣ части работы Деманта, в которых он пытается намѣтить конкретный выход из создавашагося кризиса.

Б. Ижболдин.

Le Gérant : ROSSEL-CHIOT.

Soc. Nouv. d'Imp. et d'Edit., 32, rue de Ménilmontant, PARIS (20e)

Не думаю, чтобы тактической путь для самого Дмитриевского уже определился. Но его книга дает много данных для выяснения политического пути России.

Было бы слишком смело сказать, что этот путь ясен для нас. Россия все еще скрыта отсюда в грозных тучах. Все, что мы можем, это отдать себя отчет в направлении еле видимых дорог. Выбор между ними, связанный с большим риском, дело личной ответственности. Мы хотели бы установить лишь известные необходимые предпосылки для тактического самоопределения всякого нового активизма. Само собою разумеется, что эту политическую разведку автор предпринимает на свой страх и риск, снимая с близкого круга «Нового Града» ответственность за предлагаемая им оценки и перспективы.

Старые понятия, которыми оперируют до сих пор зарубежные тактики, явно непригодны и вносят путаницу. С одной стороны, это классическая «революция-эволюция», с другой «народ и большевики», или «народ и власть».

Стало как-то уже неловко, после стольких разъяснений, становить на том, что эволюция и революция не исключают друг друга. Что революционный взрыв может быть завершением эволюционного процесса, а эволюционный процесс, при достаточной углубленности, может означать, по своему социальному смыслу, настоящую революцию. И что такое революционный взрыв: всенародное возмущение? военный бунт? дворцовый переворот? Все эти возможные завершения или этапы борьбы не исключают друг друга. В современном состоянии политической омертвлости России едва ли и время спорить о конкретных политических лозунгах. То обострение диктатуры, которое придал ей Сталин, ее обратная «эволюция» к единодержавию как будто оставляет мало надежд на постепенность спуска. Трагическая судьба России вообще не обещает «тихого и мирного жития». Ее пажити и нивы все еще обильно поливаются кровью, не становясь от этого, увы, болѣе тучными. Если под эволюционизмом понимать благодушный оптимизм, то для него сейчас нѣтъ мѣста. Рожденный «нэпом», эволюционизм умер естественной смертью. Но еще раньше его и безнадежно умер его противник — классический революционизм «Борьбы за

Россию», сущность которого — в отождествлении антибольшевистской революции со старыми формами революционной борьбы против самодержавия. Почему этот примитив старой студенческой «Дубинушки» не годится для нашего времени, это выяснится тотчас же, как только мы перейдем ко второй тактической антитезѣ: «народ и власть».

Что такое народ в современной России, и что такое власть — или большевики? Как ни упростилось классовое строение общества в России после революции, как ни естественно для всякого диктаториального режима углублять разрыв между властвующими и подвластными, — все же это противоположение в строе СССР наталкивается на большие трудности. В России сейчас существуют следующие крупные социальные группы: партия, советская бюрократия, армия, комсомол, пролетариат, крестьянство, не считая слабых, побѣжденных или подавленных в конце обломков старой интеллигенции, духовенства и буржуазии. В этой схемѣ безспорно лишь положение партии и крестьянства (власть и народ). Но где мѣсто рабочего класса — с одной стороны, экономически эксплуатируемого, с другой привилегированного и постоянно питающего правящий слой? Что такое советская бюрократия, или служилая интеллигенция, верхние слои которой совпадают с партией, а масса является ей молотом и наковальней одновременно? Народ или власть — красная армия? Комсомол? Для всех этих групп характерно двустороннее насилие, пронизывающее всю социальную жизнь. Каждая из них является правящей и управляемой, палачем и жертвой одновременно. Точнее, раздѣл устанавливается по линии личной активности или личной безсовѣстности. Хищные успевают уменьшить давление на себя сверху и расширить за счет низов поле своей активности. Только слабые не умеют переключить поражающего их разряда тиранической воли. Но слабые и не идут в счет. Даже в крестьянствѣ возникают, по личным и случайным признакам, группировки — ячейки, коллективы бѣдности, советский аппарат, — которые успевают на время схватить в свои руки топор диктатуры. Даже среди в конце раздавленных представителей истребляемых классов — старой интеллигенции и духовенства — предательство, связь с

ГПУ облегчает для многих этот уход из «стана погибающих». Иные академики или вожди церковных обновленцев явно общаются харизмъ революціонной власти.

Именно этой социальной структурой диктатуры объясняется ея необыкновенная живучесть. Властители и подвластные не раздѣлены никакой рѣзкой чертой. Самая принадлежность к партіи не означает непереходимой черты, ибо наивно думать, что в партіи собраны одни марксисты и ученики Ленина. Переход или паденіе по ту сторону черты возможны для каждаго, в любую минуту. Правда, для большинства цѣною низости: лжи, подхалимства, предательства. Но в Россіи — социально-активной — на 15-ый год революціи низость считается ни во что. Вот почему в Россіи так трудно представить себѣ возстаніе «народа» против «власти», даже отвлекаясь от страшной сѣти ГПУ, дѣлающей невозможной организацию массоваго дѣйствія. Всегда возможны стихійныя вспышки масс, крестьян и рабочих, доведенных до отчаянія голодом и грабежем. Но разрозненныя возстанія эти неизмѣнно подавляются или успокаиваются, и никогда не поднимаются над конкретною злобой дня до политическаго антисовѣтскаго движенія.

Значит, безнадежность? Длительное гніеніе Россіи, ея духовная и политическая смерть?

Нѣтъ, ибо этот пессимистическій вывод вытекает с необходимостью лишь из неизжитых революціонных иллюзій. Нужно помнить, что контр-революція, или, точнѣе, спуск революціи совершается по совершенно другим законам, чѣм подъем революціи, или ея взрыв.

Контр-революцію дѣлает не народ, а вынесенные на грѣбень революціи новые сильные классы. Волчи народных движеній на ущербъ революціи скорѣе стимулируют и ускоряют, чѣм опредѣляют процесс образованія новой власти. Это не доктринерское обобщеніе из французской исторіи. Это опыт самой русской дѣйствительности. Давно уже массы в Россіи не пробуждаются из состоянія политической пассивности, и единственныя революціонныя (контр-революціонныя) движенія, которыя мы имѣем возможность наблюдать, выходят из

нѣдр самой коммунистической партіи: троцкисты, Сыриов, Рютин...

В эпоху Нэпа могло казаться, что движеніе возьмет в свои руки новая буржуазія, опирающаяся на крестьянство. Тогда мог представляться естественным буржуазный спуск русской революціи. Сталин во время парировал эту опасность. Уничтоженіе буржуазіи и крестьянства — частно-хозяйственнаго сектора страны — и составляет политическій смысл пятилѣтки. Но уничтоженіе буржуазіи означает разбуханіе государства, ибо строительство социализма в Россіи есть строительство государственнаго капитализма. Аппарат государства, могущественная бюрократія вырастает на мѣстѣ исчезающих частнохозяйственных сил, и предъявляет свои права.

Активная, правящая Россія наших дней слагается, под режимом личнаго самодержавія, из трех социальных групп: партіи, совѣтскаго аппарата и комсомола. Эти три группы тѣснѣйшим образом связаны между собой. Комсомол пополняет ряды партіи и бюрократіи. В совѣтском аппаратѣ всѣ отвѣтственные посты заняты коммунистами. И тѣм не менѣе эти группы различны по своей духовной и общественной установкѣ. Их возможное расхожденіе реально и означает «паденіе совѣтской власти».

Психологически рѣзче всего черта, отдѣляющая молодежь от партіи и совѣтскаго аппарата. По одну сторону идеалисты, по другую — дѣльцы. Идеализм совѣтской молодежи нельзя понимать, конечно, в моральном смыслѣ, хотя нѣкоторыя весьма высокія моральныя качества в ней присутствуют: мужество, дисциплина, преданность «общему дѣлу». Эти качества, связанные с отрицаніем личной чистоты, правдивости и человѣчности, создают скорѣе военный тип общественнаго служенія. Идеализм же комсомола выражается асега сильнѣе властью идеи над сознаніем, зачарованностью, заполненностью этой идеей вплоть до потери личной мысли и личной совѣсти. Как бы ни было велико число безпринципных карьеристов в комсомолѣ, в Россіи это сейчас единственныи слой, являющійся носителем «идеократическаго» сознанія.

Мы предполагаем, что в п а р т і и процесс выдыханія

революціоннаго энтузіазма уже завершився. Книга Дмитрієвскаго подтверждает уже не новыи діагноз. Это не значит, конечно, что партія не вѣрит в революцію и социализм, но для большинства ея членов революція и социализм уже слились с охраной достигнутаго. Они могли бы сказать, да и говорят почти дословно: «Революція — это мы», наша партія, наша власть. Социализм — наше хозяйство. Удареніе явно падает на «наше» и «мы». Само содержание хозяйственной политики может мѣняться, но дѣло социализма и революціи не погибло, пока у власти стоим «мы». «Мы» в Кремль и красный флаг над Кремлем — для них самое реальное содержание революціи.

Но не противорѣчит ли самый размах сталинскаго террора, воскрешеніе традицій революціоннаго коммунизма — этой предпосылкѣ оппортунистическаго перерожденія партіи? Нѣтъ, ибо жестокость борьбы с цѣлым классом, с крестьянством, составляющій смысл новаго сталинскаго режима, только подчеркивает тот факт, что борьба ведется за самосохраненіе партіи, не желающей растворяться в мелкобуржуазном русском морѣ. Оппортунизм партіи — коллективный, а не личный оппортунизм.

Тѣ же самыя партійцы, становясь во главѣ г о с у д а р с т в е н н а г о, «совѣтскаго» аппарата, начинают увлекаться совершенным иным потоком жизни. Интересы дѣла мало-помалу уже превалируют над директивами партіи. Для краснаго директора, поставленнаго во главѣ фабрики, поднятіе ея производства становится самой жизненной задачей. В борьбѣ за уровень он сблизается с безпартійными спецами, он проходит трезвую хозяйственную школу опыта и начинает проклинать идеологическія директивы центра, убійственныя для его дѣла. Командир красной арміи, занятый боеспособностью своих солдат, вмѣстѣ с ними возмущается колхозным террором в деревнѣ, подрывающим революціонный патріотизм крестьянской молодежи. Командир, директор, культурный работник служат, волей не волей, Россіи и ея національным задачам, даже тогда, когда боятся произнести эти запретныя слова. Пусть не Россія, а СССР, пусть не отечество просто, а социалистическое, но оно давно уже отгѣснило в сознаніи задачи міровой револю-

ціи. В Россіи всѣ (т.-е. всѣ активисты) говорят о социальной революціи, ждуг ея, но насколько отношеніе к ней измѣнилось по сравненію с первым романтическим бредом октября! Тогда для міровой революціи жгли Россію, теперь от революціи ждуг прибыли для Россіи: помощи технической, помощи военной. Интернаціонал СССР теперь в значительной мѣрѣ стѣл формой русскаго империализма.

Основной стержень книги С. Дмитрієвскаго — в остром противопоставленіи двух типов на верхах правящаго класса: марксиста - революціонера и государственника - строителя. Мы не в состояніи провѣрить точность его индивидуальных характеристик. Возможно, в них много преувеличеній, перерисовок и даже личных счетов. Но основной водораздѣл, думается, намѣчен правильно. Ясны и вытекающіе отсюда политическіе выводы.

Противорѣчіе національных и партійных задач, обостряясь, является источником внутренней борьбы в партіи, неизбежно подкапывающей диктатуру. В этой борьбѣ обѣ правящія группы опираются на разные слои населенія. Государственники на хозяйственные слои: на технических спецов, рабочих и крестьян. Революционеры на полицейскій аппарат и — комсомол.

В самом дѣлѣ, комсомол сейчас единственная идейная сила, питающая революцію. До сего времени на молодежь опирались всѣ лѣвые уклонисты, т.-е. доктринеры, жаждущіе раздуть потухающій костер. Это естественно. Молодежь наиболѣе оторвана от жизни, наиболѣе доступна радикальной доктринѣ — в единственно возможной нынѣ формѣ революціоннаго марксизма. Марксизм все еще соблазняет ее логической прямолинейностью своих конструкций, беспощадностью своих жизненных приложеній. Насиловать жизнь, ломать ее во имя стройки будущаго социалистическаго рая — это дѣло ей по вкусу и по плечу. В этом она продолжает старую русскую традицію, абсурдно обостренную паденіем культурнаго уровня.

Молодежь представляет сейчас в Россіи большую силу. Благодаря быстрой изнашиваемости людей в революціи, благодаря сознательному удаленію из жизни старых поколѣній, связанных с дореволюціонным прошлым, перед комсомолом от-

крываются широкія дороги в жизнь. Молодежь занимает ответственные посты. И пока жизнь не успела перемолоть ее доктринерства, она во всю насилует и разрушает жизнь. В этом «педократическом» характеръ русской революціи, между прочим, таится другое объясненіе ее затяжного процесса.

Доктринеры против практиков, молодежь против «стариков», комсомол против Россіи. Между государственниками и комсомольцами еще не раскололась, но раскалывается партія, сохраняющая свое видимое единство, быть может, лишь благодаря режиму личного самодержавія.

Из этого анализа мы дѣлаем слѣдующій политическій вывод. Всякая реалистическая національная политика должна дѣлать ставку на государственныя и культурныя силы Совѣтской Россіи, и свои удары направлять против носителей революціонно-марксистской идеологіи. Вся программа національного активизма должна быть построена, исходя из этой предпосылки. Расчет политической акціи должен исходить не из смутнаго понятія «народа», а из реальных общественных групп в Россіи, в которых мы видим носителей новаго національнаго сознанія.

С этой «классовой» точки зрѣнія слѣдует произвести смотръ всѣм политическим теченіям эмиграціи. Тогда окажется, что большинство их реально, не на словах, дѣлает ставку на проживающих в Россіи представителей старой интеллигенціи: лѣвой или правѣй, в зависимости от своих собственных настроеній. Прекращающееся бѣгство из Россіи представителей этой интеллигенціи поддерживает в эмиграціи опасную иллюзію своей связи с Россіей — какой Россіей? Нахожденіе общаго языка со своими бывшими друзьями не искупает отрыва от Россіи новой, по-революціонной, единственно активной и чреватой будущим.

Нѣкоторыя из наших теченій связаны с реальными классами страны, но классами безсильными, являющимися сейчас объектом, а не субъектом исторіи. Таковы принципиально классовыя партіи «Крестьянской Россіи» и социалдемократов-меньшевиков. Вліятельная в эмиграціи группа читателей «Послѣдних Новостей» (которую я бы отличал от Р.Д. объединенія), в

сущности ориентуруется на русскаго нѣпмана, нынѣ выведеннаго из строя.

Большинство пореволюціонных теченій явно ориентуруется на руссійскій комсомол. Ставка дѣлается на его духовное и идеологическое перерожденіе. Перерожденіе это, в религиозном и національном стилѣ, должно направить огромную энергію молодой Россіи на дѣло національнаго возрожденія.

Мы не отрицаем возможности идейнаго перерожденія комсомола. Болѣе того, на длительном отрѣзкѣ времени, оно представляется совершенно неизбѣжным. Марксизм, особенно в его ленинско-сталинской транскрипціи, настолько противорѣчит человѣческой природѣ, настолько убійственно-ядовит для всѣх духовных и душевных потребностей личности, что реакція против него во всяком живом организмѣ рано или поздно наступит. Ставка на молодежь не бессмысленна. Как ставка на реальную силу, она входит в орбиту реалистической политики. Но она чревата опасностями для будущей Россіи.

Никакіе перевороты в сознаніи, никакое новое идейное содержаніе не может исправить основнаго психологическаго вывиха этого слоя: его отвлеченности, доктринерства, максимализма, жестокой насильственности по отношенію к жизни и живой социальной плоти. Легко можно себя представить русскую революціонную молодежь фашистской, сектантской, баптистской... но во всѣх своих идеологических аватарах она остается непригодной для строительства Россіи. Лишь отказ от примата идеологіи (что совмѣстимо с самой глубокой религиозной вѣрой и с самой горячей любовью к Россіи) дѣлает русскую молодежь социально годной силой. Но тогда она естественно займет мѣсто в рядах учеников, сотрудников, подлинной «смѣны» болѣе зрѣлаго и практически опытнаго поколѣнія строителей.

Ставка на комсомол умѣстна для поклонников «идеократіи», которые желали бы под новым знаменем увѣковѣчить революціонный процесс в Россіи: для всѣх любителей восторженнаго бреда, горячечнаго румянца и аракчеевскаго творчества. Всѣм, кто любит живую Россію, а не только русскую идею, концом революціи должно мыслить к о н е ц п е д о к р а т и и .

Новая активистская тактика эмиграции должна строиться в расчете на государственные элементы России и реальные интересы народных масс, которые ими представлены. Это не означает снижения нашего слова и дела до уровня пособников и подголосков российских партийных уклонов. Мы можем найти общий язык со служилой интеллигенцией, с советскими работниками, но не станем и искать его — с коммунистами, хотя бы оппозиционерами. И потом другое. Лишь здесь мы можем открыто защищать дело России. Там ее интересы находят двусмысленное и слабое выражение.

Если искать исторических аналогий, Россия нуждается сейчас в «Колоколе» Герцена или в «Освобождении» Струве, а не в новом издании «Революционной России». И «Колокол», и «Освобождение» были рассчитаны не столько на разрушительные, сколько на творческие силы России. Они искали их в вольной и служилой интеллигенции, которая интересы родины ставила выше политической, хотя бы и трижды праведной ненависти. Пассивизм? Но Струве защищал и царевубийство! Их отличие от левых революционеров было лишь в том, что освобождение России представлялось им не как мистическое крушение «старого мира», а как отвоевание у власти прав и свобод. Падение самодержавия не означало истребления династии и всего правящего слоя. Так и падение советской власти означает не истребление созданного революцией правящего класса, а его капитуляцию перед национальными задачами страны. Неспособные к преодолению ленинизма погибнут. Оставшиеся будут выполнять веления России.

Россия в мучительном борении ищет выхода из тупика. Жить мысленно не только с ней, но и в ней, в ее реальной и сложной обстановке, найти в ней свое место среди борющихся групп и лиц — вот единственная возможность активизировать наше антибольшевистское горение. Лишь в этом усилии мы поймем, чем и как мы можем помочь и откуда; лишь в этих условиях может родиться новый, истинно пореволюционный активизм.

Г. Федотов.

Хозяйственный строй будущей России

В прекрасной книге Г. П. Федотова «И есть, и будет» имеется глава о хозяйственном строе будущей — послѣбольшевицкой — России. Содержание ее следующее. Россия жаждет хозяйственного освобождения — раздѣлки государственного социализма, восстановления собственности, свободы труда и капитала. Раны, нанесенные ей большевицким гнетом, могут быть залечены только хозяйственной свободой. Стихия хозяйственной свободы, несмотря на неизбежные ошибки, создаст экономическое возрождение России. Но ошибок нужно по возможности избегать. Для этого необходим хозяйственный план. План таков. В сельском хозяйстве: невозможность реставрации помещичьей собственности и необходимость прочного закрепления земли за крестьянами; в районах колхозного хозяйства — новый передѣл земли; формы земельного владения — общинные и индивидуальные — должны быть предоставлены свободному выбору крестьян; должна быть обеспечена свобода мобилизации земли; за государством должно быть сохранено право вмешательства в земельные отношения — возможность установления максимальных норм землевладения, организация переселения; но сохранит ли государство за собой титул верховной собственности на землю — национализацию — значения не имеет; на первый план должна быть выдвинута проблема производства, а не распределения. В индустрии: необходима денационализация государственной промышленности; но при этом нельзя раздѣлывать все сделанное большевицкой эпохой — раздарить или продать с торгов все государственное достояние России: судьба каждого предприятия должна быть тщательно изучена и определена особо; как общий принцип, государство должно отдать лишь то, с

чѣм оно само не в силах справиться — хотя, конечно, это будает львиная доля захваченнаго. Денаціоналізація підприємств, однако, ни в коем случаѣ, не должна означать их реституції — підприємств должны попасть в годныя руки: в большинствѣ случаев это будут русскіе предприниматели — смѣшанныя русско-иностранныя общества под государственным контролем. И вообще государство должно сохранить верховный надзор над всей хозяйственной жизнью страны — это опредѣляется не доктринерски-соціалистическими мотивами, а слабостью русскаго промышленнаго класса в прошлом и его разгромом в революціи. Для рабочих должна быть организована охрана труда — освобожденная Россія должна показать рабочему классу, что у ней нѣтъ пасынков; если будет возможно, надо сохранить даже большевицкій трудовой кодекс; задачу воспитанія рабочаго класса должна взять на себя интеллигенція. Но еще важнѣе возсозданіе и воспитаніе класса предпринимателей — как в сельском хозяйствѣ, проблема производства должна и в индустріи доминировать над распределеніем. Россія переживает время, подобное петровскому: необходимости предельнаго напряженія своих производительных сил; большевики чутко отразили переживаемый историческій момент обостренным вниманіем к проблемам техники и планами индустриализації; надо продолжить эту линію — Россія должна стать не только аграрной, но и промышленной страной и добиться экономической независимости. Но для этого нужна новая хозяйственная психологія и созданіе новаго класса предпринимателей; недопустимо прежнее дворянское и интеллигентское презрѣніе к торговлѣ и хозяйству; невозможен и старый тип предпринимателя — кулак и мироѣда. Для возрожденія капитализма в Россіи нужна этизація капиталистическаго предпринимательства и созданіе новаго духовнаго типа предпринимателя — европейско-американскаго склада; задача эта трудна, но разрѣшима — в порядкѣ творческаго усилія націи. Возможности реставрації капитализма в Россіи нельзя противопоставлять его закат на Западѣ. Духовно обезкровленный на Западѣ, в Россіи капитализм еще далеко не изжил своих творческих возможностей. Ибо историческій день Россіи и Запада различен: Россія отстала от

Запада на сто лѣт. Потому и фазы европейской исторіи ей приходится переживать столѣтіем позже. Нашему поколѣнію выпало на долю дѣло Дантонов — почему бы ему не дать и новаго изданія Адама Смита? — Таков хозяйственный план, предлагаемый Г. П. Федотовым для будущей Россіи.

Трудно многое возразить против конкретных мѣроприятий предлагаемаго плана. Они опредѣлены не исторіософской схемой, а неотложной нуждой историческаго момента. Потому, в основных чертах, они общи хозяйственным платформам всѣх прогрессивных русских партій — не только буржуазных, но и соціалистических. Но конкретныя мѣропріятія, вызванныя нуждой историческаго момента — паденія большевицкой власти, — еще далеко не опредѣляют всего хозяйственнаго плана, предложеннаго на десятилѣтія («пятидесятилѣтка» — по проекту Федотова). Какую роль будут играть эти мѣропріятія в общем хозяйственном строительствѣ послѣ-большевицкой Россіи? Будут ли они ступенями от крѣпостнаго социализма к свободному капиталистическому строю? Или необходимой передышкой на пути строительства новаго, но тоже плановаго хозяйства? Предстоит ли Россіи капиталистическая реставрація? Должна ли она дать новое изданіе Адама Смита? Неизбѣжно ли для нея — повторить пройденныя ступени хозяйственнаго развитія Запада?

Удивительное дѣло: русское сознаніе вот уже сто лѣт бьется в тенетах дилеммы: должна ли Россія пройти всю лѣстницу историческаго развитія Запада? Или свободным порывом она может сразу подняться на ея высшія ступени? Ступени развитія Запада — фазы закономѣрнаго развитія человечества. Может ли Россія в своем развитіи нарушить законы міровой исторіи? Но фазы развитія Запада — совсѣм не законы міровой исторіи. И существуют ли они вообще? Во всяком случаѣ, Восток понятія не имѣл об этих «законах». Восток выработал свой тип культуры. И все его развитіе заключалось в том, что он поднимал этот тип на большую высоту совершенства или ронял его низко. Никакого иного развитія, хотя в малой мѣрѣ напоминающаго западное, у него не было. В послѣднія столѣтія западная цивилизація, в свою очередь, достигла вы-

соких ступеней развития и стала оказывать заражающее влияние на другие культуры. Волны западной цивилизации стали распространяться по всему миру. Но, заражая страны другой культуры, западная цивилизация ни в одной из них не начинала своего развития сначала. Она передавала им не свои старые, омертвевшие формы, а самые живые — современные. Западная религия, расходясь по миру, не проповедовала христианства апостольских времен — она распространяла учение Кальвина и иезуитов. Западная наука не посвящала Восток в тайны средневековой алхимии — она сообщала ему теоремы Ньютона и Эйнштейна. Западная государственность не прививала России и Америке феодализм — она передала им просвещенный абсолютизм и парламентарную демократию. И то же западное хозяйство: распространяясь по миру, оно несло с собой свои последние технические и организационные достижения. Америка и Россия так и не создали у себя западного ремесла, на котором столетия стояла Европа. Екатерининские мануфактуры по размерам превышали французские. Австралия среди пустырей построила громадные города, в которых сосредоточила большую часть своего населения. Соединенные Штаты создали самое совершенное капиталистическое хозяйство мира. И совсем не случайно фордовские комбайны бороздят советские заволжские степи, и стальные гиганты коптят серое небо России. Если уже говорить об исторической закономерности, то она иная, чем принятая русским сознанием: страны победоносной цивилизации, поднимаясь на высшую ступень развития, сохраняют в большой доле и старые омертвевшие формы своей культуры (монархия, ремесло, крестьянское хозяйство Европы); страны, заражаемая победоносной цивилизацией, принимают новую культуру в ее чистой, «вирулентной» форме. Правда, вирулентная форма победоносной культуры, попадая в чужеродную среду, не всегда дает свои самые совершенные образцы: индуизм и христианство и китайский парламентаризм мало радуют европейское сознание. Советский хозяйственный строй, — в главных своих чертах, американский «Форд», помноженный на российскую азиатчину. И, тем не менее, даже такие уродливые образования, в какой-то мере, оказываются, жизненными и отвѣ-

чающими темпу истории. Во всяком случае, больше жизненными, чем попытки реставрации пройденных ступеней европейской цивилизации. Примѣняя это к проблемам хозяйственного строительства России: даже крепостное плановое советское хозяйство больше жизненно и исторично, чем свободный капиталистический строй. Даже «Азбука» Бухарина больше современна, чем «Богатство народов» Адама Смита. Капиталистическая реставрация в будущей России — утопия. «Капитализм в одной стране» так же невозможен, как и социализм.

В самом деле: какую фазу развития переживает европейское, а, в отраженном виде, и все мировое хозяйство? Изобразим ее в терминах В. Зомбарта. Европейское хозяйство переживает фазу «позднего капитализма». Это значит, что, наряду с капиталистическими, в современном хозяйственном строе, все большее место занимают иные — новые формы хозяйства: кооперативные, государственные и смешанные капиталистически-общественные. Но что еще больше важно: сами капиталистические формы хозяйства перерождаются в духе вновь возникающих и конкурирующих с ними. Капиталистический дух — дух предпринимательства, риска и наживы — выветривается: рационализация всего хозяйственного процесса убивает его. В предпринимательстве интуиция уступает место расчету. Предприятия принимают вид бюрократических учреждений; руководители предприятий — чиновников. Владѣльцы капиталов предпочитают верные фиксированные проценты рискованным барышам. Предприниматели, связанные трестами, картелями и акционерными обществами, теряют вкус к инициативе и творческому размаху — «жирѣют». Даже «воля к власти», столь свойственная капиталистическому духу, никнет в атмосфере всеохватывающей опеки государства и конституционного режима фабрик. Властные и талантливые люди уходят из промышленности в политику и государственное строительство. — И весь капиталистический хозяйственный строй перерождается из свободного в с в я з а н н ы й. В современном капиталистическом хозяйстве связано все — и предприятия, и предприниматели. Связаны внутренними бюрократическими порядками управления; связаны картелями и другими предпринимательскими

объединениями; связаны рабочим классом: фабричными советами, профессиональными союзами, тарифными договорами; связаны государством: охраной труда, контролем над ценами, в последнее время часто непосредственным надзором (над банками). — И, вместе с переходом от свободного к связанному строю, меняется вся механика хозяйственного процесса: свобода рынка, игра спроса и предложения исчезают. Цены на товары устанавливаются картелями или государством; заработную плату — профессиональные союзы. Вся хозяйственная система становится косной и неподвижной. Капитализм перезрел и вырождается. Мир переживает эпоху заката капитализма и рождения нового хозяйственного строя. — На почве вырождения современной хозяйственной системы и разыгрался кризис, по остроте и размаху невиданный человечеством с его появления на земле. Кризис охватил весь мир, и в пределах современной системы до конца изжит быть не может. Капиталистическое мировое хозяйство, по своему существу, — экономическая эксплуатация мира Европой или, точнее, цветных рас белой. Европа — 400-миллионный город; остальной мир — деревня. Европа — фабрика; остальной мир — рынок сбыта. Своими капиталами и товарами Европа, пользуясь свободой рынка, господствовала над миром. Но мир больше не хочет господства Европы; цветные расы бунтуют против белой. Все страны мира индустриализируются и ограждают себя от Европы таможенными стенами. Страны развитой индустрии не находят для себя рынков сбыта и банкротятся. В Англии, Германии и Соединенных Штатах каждый третий производитель не имеет работы. Государство вынуждено кормить миллионы рабочих и тратить миллиарды на поддержку капиталистических предприятий. И капитал, и труд цепляются за государство. Государство без плана и системы вмешивается во все области хозяйственной жизни. — Какой отсюда выход? Длительное настоящее положение невозможно — это значило бы увековечить хозяйственный хаос, установить плановое хозяйство без плана, узаконить государственное вмешательство в хозяйственную жизнь — случайное и произвольное. Еще больше невозможно идти по пути реакции — вернуться к старому свободному хозяйству; так же невозмож-

но, как возстановить свободное, нерегулируемое, движение в Париже или Лондоне: camiony и автомобили передают друг друга. Остается один выход, указываемый всем ходом развития современного хозяйства: установление в мире хозяйства **п л а н о в а г о**. Это значит: в пределах каждого хозяйственного округа — государства или союза государств — устанавливается хозяйственный план, охватывающий всю экономическую жизнь округа и проводимый из одного центра. Плановое хозяйство совсем не равнозначно хозяйству государственному, как в Советской России, и не должно быть однообразным во всех округах. Хозяйственное состояние округов различно — различны должны быть и хозяйственные планы, вырабатываемые для каждого из них. И то же в пределах каждого округа: формы хозяйства различны в различных отраслях — сельском хозяйстве, ремесле, промышленности; потому должны быть различны и методы осуществления хозяйственного плана в применении к каждой отрасли. Чем сложнее и многообразнее хозяйство данного округа, тем больше сложным и многогранным должен быть и вырабатываемый для него план. При таком построении плана снимается противопоставление частного хозяйства общественному, частного владения — коллективному. В плановом хозяйстве возможны различные формы хозяйствования и различные формы владения. Превалирование одного или других зависит от конкретных условий округа и от воли хозяйствующих в нем. Но не в воле хозяйствующих повернуть назад колесо мировой истории. Мир накануне грандиозного хозяйственного перелома, на пороге новой хозяйственной эры. Хозяйственный перелом может произойти на путях революционного взрыва или на путях планового, но радикального хозяйственного переустройства. От воли и разума людей зависит избрать второй путь. — Такова мировая хозяйственная обстановка, в которую попадет Россия на другой день после падения большевистской власти.

Какова хозяйственная обстановка России, которую, на другой день после падения большевистской власти, найдет в ней мир? Не будем гадать, когда произойдет это падение, и что к тому времени изменится в хозяйственном строе современной России.

Возьмем его в настоящем видѣ. Еще нѣсколько лѣтъ назад — в период нэпа — можно было спорить о том, что такое совѣтское хозяйство, и какова линія его развитія: можно было утверждать, что совѣтское хозяйство — то же капиталистическое, только прикрытое революціонной фразой: что собственность, капитал и индивидуалистическая стихія торжествуют в нем повсюду; что «частный» сектор вытѣсняет государственный; что кулак и нэпман — опредѣляющія фигуры народнаго хозяйства; и что Россія наканунѣ буржуазнаго «Термидора». Теперь об этом спорить нельзя; и лучше даже об этом не вспоминать: или мы были слѣпы и не видѣли жизни, или большевицкая догма оказалась сильнѣе, чѣм жизнь. Теперь даже слѣпым ясна картина современнаго хозяйственнаго строенія Россіи: большевицкая хозяйственная система побѣдила в нем по всей линіи. Все хозяйство страны ведется по одному плану и из одного центра. Пусть части плана не сходятся друг с другом, пусть план не цѣликом осуществляется в жизни, пусть прорывы уродуют «генеральную линію». Совѣтское хозяйство, тѣм не менѣе, плановое хозяйство и интегрально связанное — хозяйственной стихіи и свободной игрѣ хозяйственных сил не оставлено в нем и малаго уголка. И что еще важнѣе: в этом плановом и связанном хозяйствѣ хозяйство государственное и коллективное играет подавляющую роль. Больше нѣтъ спора о борьбѣ общественнаго и частнаго сектора, о состязаніи коллективнаго и индивидуальнаго владѣнія. В промышленности и торговлѣ государство монополизировало все. В сельском хозяйствѣ совхозы и колхозы владѣют большей половиной земли (60%) и посѣвов (80%). Во всем народном хозяйствѣ на долю частнаго сектора приходится только 18%. Но даже послѣдняя цифра не говорит правды: частное крестьянское хозяйство по рукам и ногам связано государственной опекой. На самом дѣлѣ, в Совѣтской Россіи все хозяйство и владѣнія так же огосударствлены, как в Египтѣ времен фараонов. Частные капиталы не сохранились даже под землей — ГПУ отрывает послѣдніе клады. И вмѣстѣ с частным хозяйством и капиталом исчезают его послѣдніе носители. Старые предприниматели и капиталисты вымерли или доживают свои дни в эмиграціи. Новые — совѣт-

скіе нэпманы и кулаки — гниют в Соловках. Совѣтская молодежь проходит тяжкую школу хозяйствованія в городских государственных промышленных и торговых предприятиях и сельских колхозах и совхозах. Можно как угодно сурово отзываться о крѣпостном и бюрократическом духѣ совѣтских хозяйственных учреждений — с «буржуазным» и «частно-капиталистическим» смѣшивать его бессмысленно. На самом дѣлѣ буржуазный дух из совѣтскаго хозяйства вытравлен радикально. Совѣтское хозяйство и капиталистическое — антиподы. — И, вмѣстѣ с тѣм, нельзя себя обманывать заключеніем: что, с искорененіем буржуазнаго духа и исчезновеніем капиталистических форм хозяйствованія, до конца разрушено и все народное хозяйство Россіи; что в хозяйственном отношеніи послѣбольшевицкая Россія — голое поле. Такія заключенія больше уже не смѣшны — они нелѣпы. Большевицкое хозяйствованіе в Россіи жестоко и безчеловѣчно. Большевики без счета расходуют россійское народное достояніе. Большевики эксплуатируют труд своих подданных так же, как фараоны своих рабов, Большевики строят совѣтское хозяйство на крови и костях миллион русских людей. Но они строят хозяйство, а не только разрушают его. По утвержденіям не только совѣтских, но и эмигрантских экономистов, в Россіи происходит громадный хозяйственный переворот: Россія индустриализируется — из страны аграрной превращается в аграрно-промышленную. Городское населеніе с 1917 г. по 1930 поднялось с 18% до 27% всего населенія. Основной капитал промышленности, по сравненію с довоенным, увеличился в два с половиной раза. Созданы новыя отрасли индустріи: электротехническая, химическая, производство моторов, двигателей и автомобилей. Открыты новыя залежи металла и угля. Выстроены Днѣпрострой, Волховстрой и новыя гигантскіе заводы. Пусть все это хозяйственно нерентабельно, пусть хозяйственный эффект всего этого техническаго строительства ничтожен. И тѣм не менѣе послѣбольшевицкая Россія в хозяйственном отношеніи — совсѣм не голое поле. Послѣбольшевицкая Россія получит в наслѣдство от большевицкой большое промышленное хозяйство — фабрики, заводы, копи, рудники, электрическія станціи — частью оборудован-

ное по послѣднему слову европейской техники, связанное, пусть нелѣпым, но грандіозным планом и руководимое безчисленным совѣтским бюрократическим аппаратом. Это наслѣдство надо принять и разумно им распорядиться. — И то же в сельском хозяйствѣ. Мы считаем совѣтскую коллективизацію русскаго сельскаго хозяйства безуміем и преступленіем. Но она уже проведена — русская деревня уже коллективизирована. И, на ряду с гибелью миллионов людей и миллиардов народнаго достоянія, коллективизація дала свои хозяйственные плоды — революцію в техниках и формах русскаго сельскаго хозяйства; уничтожена многополосица и черезполосица, сокращены пары, распаханы миллионы десятин нови, трехпольныя системы замѣнены многопольными, сохи плугами и тракторами. Пусть все это мало отразилось на конечном сборѣ зерна, пусть зерно это не доходит до голоднаго населенія — переворот в русском сельском хозяйствѣ уже произведен, и послѣбольшевицкая Россія будет начинать с него, а не возвращаться к дореволюціонным формам хозяйствозанія. Как в индустрии, так и в сельском хозяйствѣ: послѣбольшевицкая Россія получит от большевицкой большое, хотя и обремененное тяжкими долгами, наслѣдство — сотни тысяч совхозов и колхозов, владѣющих громадными блоками неразмежеванной земли, снабженных парками сельскохозяйственных орудій и тракторов и ведущих производство по разработанным в государственных учреждениях планам. — Такова хозяйственная обстановка, которую, на другой день послѣ паденія большевицкой власти, найдет в ней мір.

Спрашивается: каким образом плановое и до конца огосударственное русское народное хозяйство, попадающее, на другой день послѣ паденія большевицкой власти, в обстановку хозяйства міроваго, также перестраивающагося на основах плана и государственной связанности, может дать, в результатѣ своего освобожденія и международнаго взаимодействія, хозяйство капиталистическое — основанное на свободѣ рынка, собственности и капитала? Гдѣ для этого историческія предпосылки — хозяйственные и психологическія? Если стихія хозяйственной свободы — в условіях современнаго историческаго момента — привела Европу и мір к катастрофѣ и, быть может,

к крушенію существующаго хозяйственнаго порядка, почему эта стихія даст Россіи расцвѣт и возрожденіе? Если Европа и мір от хозяйственной свободы и частнаго предпринимательства идут к плановости и усиленію государственнаго и общественнаго сектора, почему Россія должна вернуться к формам хозяйства 19-го вѣка? Переход от государственнаго хозяйства к частному требует наличія в странѣ частных капиталов и предпринимателей. Но ни тѣх, ни других в Россіи нѣтъ. Кому будет передана русская государственная промышленность, основной капитал которой оцѣнивается в 10-12 миллиардов золотых рублей? Гдѣ будет найден оборотный капитал для приведенія этой промышленности в движеніе? Хозяйственная свобода, несомнѣнно, будет способствовать накопленію частнаго капитала. Но пройдут годы, а может быть, и десятилѣтія, прежде чѣм это накопленіе насытит второстепенныя отрасли народнаго хозяйства — мелкую торговлю, мелкую промышленность, ремесло. Что будет с основными отраслями городскаго хозяйства — крупной индустріей и оптовой торговлей? Предполагают, что капитал для этих отраслей даст заграница. Но надежды на это преувеличены. Иностраннй капитал с трудом идет в такія неустойчивыя страны, какою будет послѣбольшевицкая Россія, и, если идет, то на кабальных условіях и на твердом государственном обезпеченіи. Будущему послѣбольшевицкому государству придется гарантировать иностранному капиталу заказы, кредиты и другія льготы. Спрашивается: не будет ли болѣе благоразумным и болѣе соответствующим современному состоянію міроваго хозяйства, если будущее русское государство, вмѣсто того, чтобы гарантировать иностранному капиталу его вложенія в русскія частныя предпріятія, гарантирует ему вложенія в предпріятія государственныя (путем государственных займов или созданія государственно-частных смѣшанных обществ)? Не будет ли это правильнѣе, чѣм передача русских государственных предпріятія, созданных тяжкими страданіями русскаго народа, в руки иностранных капиталистов? Прочен ли будет тот государственный строй, в котором хозяйственное дѣленіе населенія пройдет так: класс частных предпринимателей — иностранцы, класс наемных рабочих — русскіе? Не даст ли это

быстро рецидива большевизма? — И еще труднее будет задача воспитания нового класса русских предпринимателей. Разумеется, для мелкой торговли и промышленности «предприниматели» найдутся. Они будут качеством не выше дореволюционных, но они лучше справятся со своей задачей, чем справлялось советское государство, и чем, еще долгое время, будет справляться государство послеполитическое. Но дело, впрочем, идет не о них. Дело идет о новом духовном типе предпринимателя — европейско-американского склада, построившего капиталистическое хозяйство Запада и способного поднять хозяйство России на соответствующую высоту. Где исторические основания для создания такого типа? Европейский тип предпринимателя создавался всей современной ему культурой Запада, насыщенной впрочем в творческие силы капиталистического хозяйства и ведомой такими умами, как Адам Смит. Но теперь впрочем в капиталистическое творчество угасла. Адама Смита больше не читают. Встретят в «плановое», «корпоративное» и «социалистическое» хозяйство. Читают Зомбарта, Фрида и Гельфердинга. Возможна ли в таких исторических условиях «этизация» капиталистического предпринимательства и воспитание «духовного типа» предпринимателя-капиталиста? Думаем, что это невозможно. Тип советского хозяйственника для этого не пригоден. И с трудом можно себя представить русскую молодежь, на другой день после падения большевистской власти, проходящую школу такого перевоспитания. — Хотим мы этого или не хотим, но капиталистическая реставрация в послеполитической России невозможна. Об этом пожалуют многие искренние русские патриоты. И очень возможно, что лечение больной России хозяйственной свободой было бы самым действенным и плодотворным. Даже для сторонников социалистического идеала путь от советского крепостного строя к строю трудовому через свободное капиталистическое хозяйство может показаться наиболее простым и легким. Но эта возможность России не дана. Капиталистическая система хозяйства выродилась во всем мире. Стихия хозяйственной свободы больше не «несет». Оплодотворявшие ее бактерии убиты. Капиталистический «дух» вызывает в душах современных людей ненависть и отвращение.

Мечтать в таких условиях о лечении России этим духом значит не чувствовать исторического момента, не слышать ритма мировой истории. Разумеется, послеполитическое государство раскрепостит русское народное хозяйство и труд. Разумеется, оно возстановит рынок, собственность и даст возможность накопления частного капитала. Но все это в рамках охватывающего все народное хозяйство плана и под твердым своим руководством. Разумеется, послеполитическое государство разрешит свободу торговли, ремесла и промышленного предпринимательства. И больше, чем вероятно, что розничная торговля, ремесло и мелкая промышленность очень скоро перейдут в частные руки. Но оно сохранит за собой основные отрасли крупной промышленности и оптовой торговли. И, если будет передавать их, то только общественным предприятиям или смешанным государственно-частным обществам. Словом, послеполитическое хозяйство не будет советско-крепостным, но и не станет свободно-капиталистическим. Это будет плановое хозяйство с преобладающим государственным и общественным сектором. — Такова хозяйственная программа на ближайший, после падения большевистской власти, исторический период — наша «пятидесятилетка».

Отсюда поправки к конкретным мероприятиям предложенного Г. П. Федотовым хозяйственного плана. В сельском хозяйстве. Государство укрепит за крестьянами их земли. Предоставит крестьянам свободный выбор форм землеустройства — общинных и индивидуальных. Разрешит крестьянам выход из колхозов и раздел их. Но оно сохранит за собой все жизнеспособные совхозы (государственные имения). И оно будет способствовать тому, чтобы распадающиеся колхозы не делили пахотной земли на миллионы мелких участков. Большевистское государство совершило безумие, уничтожив миллионы старых межей. Послеполитическое государство не должно повторить этого безумия созданием миллионов новых межей. Для обработки пахотных полей могут создаваться крестьянские кооперативы, артели и тракторные ассоциации, и государство должно всячески этому содействовать. — Послеполитическое государство разрешит переход крестьянской земли из рук в ру-

ки. Но оно допустит этот переход только под своим руководством, и оно сохранит для этого за собой верховную собственность на землю — национализацию. Большевицкое государство совершило безумие, экспроприровав сотни тысяч «кулацких» дворов. Постльбольшевицкое государство не должно повторить этого безумия, допустив экспроприацию миллионов «бдьяцких» хозяйств. А между тем рыночный оборот земли в потрясенной постльбольшевицкой деревнѣ приведет к этому неизбежно. Тогда большевицкій рецидив будет неотвратим. И бессмысленно утѣшать себя тем, что оплотом против такого рецидива может быть рост «крѣпких» хозяйственных дворов. Так же бессмысленно, как рассчитывать на возведение плотины во время половодья. Опыт Столыпина был в этом отношении роковым. И еще трагичнѣе может кончиться попытка — послѣ десятилѣтій «рабоче-крестьянской» власти — построить русское деревенское хозяйство на «кулацком» меньшинствѣ против «бдьяцкой» массы. Установление в постльбольшевицкой Россіи полной собственности на землю может быть оправдано только одним: вѣрой в цѣлительную силу «стихій хозяйственной свободы». Но, если эта вѣра подорвана, отказ от национализации земли будет тяжелой политической ошибкой. — В т о р г о в л ѣ и и н д у с т р и и. Постльбольшевицкое государство даст свободу частной инициативѣ в розничной торговлѣ, ремеслѣ и мелкой промышленности. И оно будет денационализировать свои предприятия в этих отраслях по мѣрѣ того, как будут укрѣпляться в них предприятия частныя и общественно-кооперативныя. Охват всего народного хозяйства хозяйством государственным вреден и утопичен. Но оно не будет денационализировать основныя отрасли городского хозяйства — крупную промышленность и оптовую торговлю. Возможно, что нѣкоторыя предприятия в этих отраслях, как явно нехозяйственныя, придется просто ликвидировать. И нѣтъ сомнѣній, что многія предприятия надо будет поставить на консервацию. Но большинство предприятий придется вести на государственныя средства даже в том случаѣ, если они будут убыточны. За большевицкое хозяйствование Россіи еще долгіе годы придется расплачиваться. Но было бы преступным бросить на произвол судьбы то, что создано некс-

числимыми страданіями народа. Капиталистическія государства Запада тратят миллиарды для поддержки частных предприятий. Постльбольшевицкое русское государство не может отказать от жертв для спасенія собственного и народного достоянія. Разумѣется, стихійная ярость народа может смести все, что оставлено ненавистной большевицкой властью — и в том числѣ пирамиду государственной индустрии. Но это будет таким же несчастіем, как уничтоженіе русской промышленности в октябрьскую революцію.

Как будет именоваться будущій, постльбольшевицкій, русскій хозяйственный строй — государственно-капиталистическим? трудовым? социалистическим? — Не будем спорить об именованіи. Но и не будем себя обманывать: постльбольшевицкій хозяйственный строй будет далек от того идеала, который ставит себѣ мировая и російская демократія. Строй хозяйственной демократіи — идеал не легко достижимый не только для Россіи, но и для Европы. Только медленно и с трудом, а может быть, и с большими потрясеніями — будет приближаться к нему насыщенная культурой Европа. Еще с большим трудом — в особенности послѣ опыта крѣпостного большевицкаго хозяйствования — будет приближаться к нему отстающая Россія. Но ясно, что путь приближенія к этому строю для Европы и Россіи будет различным. Европа будет идти к нему путем связыванія и включенія в общій хозяйственный план частно-капиталистическаго сектора и путем усиленія сектора государственнаго и общественнаго. Россія будет идти к нему путем развязыванія крѣпостнаго хозяйствования, усложненія и индивидуализации частей обще-хозяйственнаго плана и сокращенія государственнаго сектора в пользу общественнаго и частнаго. На какой-то точкѣ эти пути должны встрѣтиться. От воли и разума людей зависит, чтобы эта встрѣча произошла скорѣе.

И. Бунаков.

О смѣнѣ поколѣній и о вѣчном возвращеніи

(К СПОРАМ О ЛИЧНОСТИ И КОЛЛЕКТИВѢ)

Никогда еще так остро не ставился вопрос о смѣнѣ поколѣній, об отцах и дѣтях, как в наше время. Постоянно противопоставляются направленія дореволюціонныя и пореволюціонныя, довоенныя и послѣвоенныя. Это самая модная тема и не только в русской средѣ, но и повсюду на Западѣ. Эмоціональное отношеніе к этой темѣ очень преувеличивает новизну в смѣнѣ поколѣній и душевных структур. Это дѣлают и старики, забывающіе прошлое и пугающіеся новых людей, и молодые, прошлаго не знающіе и от него отталкивающіеся. В дѣйствительности мы видим повтореніе соотношеній, которыя уже не раз были, но в несравненно болѣе широкіх размѣрах. В XIX вѣкѣ у нас порода людей опредѣлялась по десятилѣтіям, и поколѣнія разных десятилѣтій друг друга не признавали. Это связано было с отсутствіем в Россіи крѣпкой культурной традиціи и с раскольничьим характером русской исторіи петровскаго періода. Вопреки мнѣнію славянофилов, русская исторія была наименѣе органическая. Столкновеніе людей 60-х годов с людьми сороковых годов было не менѣе остро, чѣм столкновеніе отцов и дѣтей в нашу эпоху, хотя оно происходило в иной социологической средѣ, менѣе унифицированной. Нигилисты 60-х г.г. презирали идеалистов 40-х г.г. нисколько не менѣе, чѣм коммунисты представителей старой интеллигенціи, эсеров, меньшевиков, кадетов. Они совершенно так же считали идеалистов 40-х годов болтунами, разслабленными, неспособными к дѣйствию, чуждыми реальным процессам жизни, идеологами господствующих, а не трудовых классов. Базаров называет своего пріятеля Кирсанова либеральным барчуком, т.-е.

видит в нем отпрыск людей 40-х годов. Чернышевскій, выразитель новаго поколѣнія 60-х годов, презрительно говорит о Герценѣ, революціонерѣ и эмигрантѣ, видит в нем барина 40-х годов, который все еще воображает, что он спорит в салонах с Хомяковым. Отношеніе Чернышевскаго к Герцену и людям 40-х годов очень напоминает отношеніе коммуниста к эсеру и меньшевику. Тут та же смѣна душевных структур, та же реакція против предшествующаго поколѣнія, даже если его представители родственны по социальному направленію и имѣют революціонныя заслуги (таково отношеніе Чернышевскаго к Герцену). Возьмем другое столкновеніе направленій, борьбу марксистов и народников в 90-е годы прошлаго столѣтія. Тут повторяются схожіе мотивы. Марксисты перваго поколѣнія приблизительно так же относились к народникам, к старой революціонной интеллигенціи, как Чернышевскій к Герцену, как люди 60-х годов к людям 40-х годов. Ученики Чернышевскаго становятся старомодными людьми отжившей эпохи, неспособными понять движеніе своего времени. Как и в 60-е годы, новый, болѣе жесткій тип возстает против стараго, болѣе мягкаго типа. Всякій раз новое поколѣніе дѣтей считает себя болѣе реалистическим и презирает романтизм поколѣнія отцов. Этот реализм дѣтей, вѣроятно, может быть объяснен психоаналитически. В болѣе грандіозных размѣрах такого рода столкновеніе повторяется в русской революціи. Поколѣніе коммунистов, жесткое и реалистическое, не только презирает, но и гонит уже не только эсеров, кадетов, старую свободолюбивую интеллигенцію, но и тѣх самых марксистов-меньшевиков, которые в молодости, как жесткіе и реалистически настроенные, презирали старую народническую интеллигенцію. Повторяется в новых формах одно и то же. Многія особенности психической структуры и міровоззрѣнія коммунистов унаслѣдованы от поколѣній 60-х и 70-х годов, от русскаго нигилизма и русскаго революціоннаго народничества. На Западѣ мы видим психологически очень схожія явленія в отношеніи фашистов к старым либералам и радикалам, націонал-соціалистов к предшествующим нѣмецким идеологическим направленіям. В первую половину XIX вѣка таково же было соотношеніе поколѣнія, вос-

питанного на Фейербахъ и стремившагося к революции, к поколѣнію, воспитанному на идеализмъ и романтизмъ. Примѣчательно, что всегда появляются тѣ же черты жесткости, реалистичности против черт мягкости, романтизма и пассивной созерцательности.

Как опредѣлить основную черту молодежи повоснаго и революціоннаго поколѣнія, объединяющую столь враждебныя теченія, как коммунизм и как фашизм, націонал-соціализм, евразійство и пр.? Смѣна поколѣній означает переход к коллективизму, к коллективному сознанию и мышлению, разрыв с индивидуализмом прошлаго вѣка. В этом сойдется молодой католик с коммунистом, с фашистом, с націонал-соціалистом. В этом опредѣленіи безспорно много вѣрнаго. Представляется, что происходит столкновение коллективизма с индивидуализмом в планѣ социальном, и этому соответствует измѣненіе душевных структур, коллективистической и индивидуалистической. Причем происходит это в разных формах, иногда самых противоположных. Но попробуем поставить эту проблему в перспективу русскую и перспективу всемірно-историческую. Если в молодых русских направленіях нарождается тип коллективнаго мышленія, преодолюющій индивидуализм, в коммунизмъ в формах грандіозных и очень актуальных и по иному, с цѣлями противоположными, в евразійствѣ, в русском фашизмѣ и т. п., то интересно вспомнить, как было в прошлом, дѣйствительно ли в прошлом торжествовал индивидуализм, как сейчас представляется. Мышленіе русской лѣвой, революціонной интеллигенціи всегда было коллективным, как впрочем и мышленіе большей части человечества. Я даже думаю, что коллективность мышленія, коллективность сужденій, коллективность совѣсти — характерный признак той русской интеллигенціи, которая под старость и послѣ потрясеній революціи готова признать себя борцом за индивидуума против уничтожающаго индивидуума коммунизма. Индивидуальное, личное мышленіе очень трудно было встрѣтить. Оно свойственно только таким одиночкам, как К. Леонтьев или В. Розанов. Сейчас не любят философію, но это совѣм не ново, философію никогда не любили в широких кругах русской интеллигенціи. Коллективное

общественное мнѣніе русской интеллигенціи было очень деспотическим. Черт общих с коммунизмом было очень много. Интеллигенція очень походила на секту, довольно нетерпимую, со своими коллективными, моральными и социальными догматами. От этого интеллигентскаго коллектива очень легко отлучали за индивидуальныя, личныя сужденія и мысли. Коммунисты совѣм не так оригинальны, как это кажется. Откуда они взяли свой материализм, свою вражду к религіи, к метафизикѣ, к эстетикѣ и красотѣ, исключительно социальный характер своего міросозерцанія, свое исключительное поклоненіе наукам естественным и экономическим за счет наук гуманитарных и философских, свою идеализацию трудящихся классов, рабочих и крестьян, как единственных, настоящих людей, свою сектантскую нетерпимость? Все это взято от Чернышевскаго и от старой русской интеллигенціи. Но дѣти и внуки этой старой интеллигенціи, превратившіеся в отцов и дѣдов, враждующіе с коммунизмом, сами забыли свое прошлое, свои истоки. Если бы русскій нигилизм и русскія крайнія народническія направленія в свое время могли осуществить свою программу, реализовали бы ее в жизни, то, вѣроятно, получился бы строй и быт, мало отличный от совѣтскаго. Боюсь даже, что к Пушкину отнеслись бы хуже, чѣм относятся сейчас в совѣтской Россіи, гдѣ Пушкина читают и изучают. Главное различіе в том, что старая революціонная интеллигенція очень мало думала о том, как завоевать и организовать власть. Об этом думали только большевики и потому они и побѣдили. Либерализм у нас всегда презирали и не без основанія, слово либерал было почти ругательным. Чернышевскій и люди его лагеря не болѣе любили либералов, чѣм современные коммунисты или фашисты новаго фасона. Но если коллективизм мышленія и сужденій был присущ нашей интеллигенціи, и направленіям лѣвым и революціонным, то в безмѣрно большей степени он был присущ командующим классам и направленіям правым. Там уже окончательно мышленіе было полковым, сословным, чиновничьим, и оригинальность личной совѣсти была парализована или не родилась еще. Это вопрос совѣм иного порядка, чѣм вопрос об индивидуализмѣ или коллективизмѣ в организаціи социальной, хо-

зайственной жизни. «Индивидуализм» буржуазно-капиталистической эпохи был вполне коллективистическим, нивелировал и подавлял личность, он был анонимным и требовал коллективного мышления и коллективных суждений. Газета является органом этого коллективного мышления и коллективных суждений. Во Франции, самой индивидуалистической в экономическом отношении странѣ и наиболее дорожающей формальной свободой, мышление наиболее социальное, коллективно, и французы наименѣ любят слишком индивидуальные, личные уклоны мысли. Маркс отлично понимал коллективистический характер капиталистической индустрии и он оттуда и взял свой коллективизм.

Да и когда мышление не было коллективным, когда суждения не были подвергнуты социальным внушениям, когда социальные внушения не определяли даже религиозные вѣроваия? Нужно поставить этот вопрос в более широкую, всемирно-историческую перспективу. И тогда мы увидим, что мышление и совесть людей с первобытных кланов, проникнутых тотемистическими вѣроваиями, в массѣ всегда было коллективным, всегда определялось социальными внушениями. Мышление было племенным, национальным, семейным, сословным, классовым, партийным, школьным. Личное мышление всегда было редким цветком в жизни человеческих обществ. Настоящая любовь к свободѣ, к личному, оригинальному, т.е. черпающему из первоисточника творчеству всегда была аристократична (не в сословном, конечно, смыслѣ). Массовые революционные движения в человеческих обществах всегда так же мало вдохновлялись пафосом свободы и личного творчества, как и консерваторы, охраняющие устоявшийся и застывший общественный строй. Мы видим, что одно и тоже психологическое явление периодически повторяется с разным социологическим значением. Схожие душевные структуры могут возвращаться в разных социальных ситуациях. Человеческая природа мало вместительна, она не может жить полнотой, она живет обычно поворотами, реакциями. Смѣна поколений всегда означает такие психические реакции. Душевный тип романтической смѣняется душевным типом реалистическим, обращенность к потустороннему

смѣняется обращенностью к потустороннему, созерцательная настроенность смѣняется социальным активизмом и наоборот. И обыкновенно наиболее неприятна, наиболее вызывает реакцию предшествующая эпоха. Сейчас замѣчается психологическая реакция не столько против старых направлений второй половины XIX вѣка, сколько против направлений начала XX вѣка, против русского культурного ренессанса начала вѣка. И в этой реакции есть и здоровые элементы, поскольку она направлена против упадочнических настроений предреволюционной эпохи. Ново сейчас и отличает современное поколение от предшествующих главным образом то, что все сейчас призваны к участию в непосредственном дѣлѣ устройства жизни, организации общества, что нѣт сейчас того относительно устойчивого строя жизни, который в прошлом был реальной опорой и для революционеров, стремившихся к перевороту. Все сейчас пришло в жидкое состояние, нѣт твердых тѣл, не время мечтать о переворотах и новой жизни, строить идеологии, нужно сейчас же реально устраивать жизнь, организовывать хозяйство и государство, иначе нельзя прожить. Сейчас все стали реалистами по положению, по социальной ситуации. Этим объясняется реалистический активизм молодежи. Вопрос идет о возможности самого существования, нельзя ждать, нѣт базиса, опираясь на который можно себя позволить быть идеалистом, мечтателем, строить разные социальные идеологии, хотя бы и самые революционные. Мы живем в эпоху очень социальную и вмѣстѣ с тѣм неблагоприятную для всяких социальных идеологий и теорий. Это определяет и душевную структуру. Коллективизм и активизм советской молодежи в значительной степени определяется тѣм, что без коллективного дѣйствия молодежь не может существовать, ей грозит гибель. Коллективизм перестал быть мечтой, как был в XIX вѣкѣ, он стал суровой и повседневной реальностью. Старая интеллигенция, возстающая против этого коллективизма и активизма (в коммунизмѣ, фашизмѣ, национал-социализмѣ и пр.), забыла, что в прошлом она сама была проникнута идеалом коллективизма и призывала к актуализму, но коллективизм и актуализм были для нея менѣ реальными и насущными, болѣ мечтательными. В XIX вѣкѣ люди

были гумантѣ, чловѣколюбивѣ, сострадательнѣ, чѣм в наше жестокое время. Но нужно помнить, что нынѣшнее поколѣ- ніе выросло на безчловѣчій войны и принуждено бороться за жизнь и организовывать жизнь. Кромѣ того тѣ, которые допу- щены к организаціи жизни и к власти, всегда отличаются от тѣх, которые строят идеологію новой жизни, мечтают о ней и во имя ея претерпѣвают гоненія. Природѣ власти присуща не только жестокость, но и безчловѣчіе, хотя, конечно, в разной степени. Ничего нѣтъ принципиально новаго в современном без- божіи, безбожіе было очень распространено в XIX вѣкѣ. Но в нашу эпоху оно получает совершенно иное соціальное зна- ченіе, оно стремится к соціальной власти.

Конфликт «индивидуализма» и «коллективизма» принадле- жит опредѣленному времени, эпохѣ, он современен. Но его не слѣдует смѣшивать с вѣчным конфликтом личности и коллек- тива, который не связан ни с каким соціальным строем и не- преодолим никакими соціальными измѣненіями и переворота- ми. Это есть вѣковѣчная проблема чловѣческаго существова- нія, личной судьбы. Борьба социализма и капитализма, как разных форм организаціи чловѣческаго общества, совсѣм не переводима на проблему отношенія личности и коллектива, имѣющую метафизическую и религіозную глубину. Защищать капитализм, обосновывающій себя на экономическом индиви- дуализмѣ и либерализмѣ, тѣм аргументом, что он благопріятен для личности, социализм же подавляет личность коллективом, есть ложь и лицемеріе. Капитализм нисколько не благопріятен для личности, в нем личность раздавлена коллективом индустрии. Социализм же может и не подавлять личность, может освобо- ждать ее. Это цѣлком зависит от того, каким духом он про- никнут. Это есть прежде всего проблема духа.

Николай Бердяев.

Пятилѣтній план и хозяйственное развитіе страны

Ход экономической эволюціи Россіи в послѣднія десяти- лѣтія отмѣчен своеобразной ритмикой, сводящейся к чередова- нію семилѣтних періодов подъема с десятилѣтними періодами депрессіи. Эпохи подъемов представляют собою время усилен- наго развитія тяжелой промышленности (т.-е. производящей средства производства). Оно особенно наглядно прослѣжива- ется по исторіи выплавки чугуна. Меньше вниманія удѣляется в эти эпохи развитію легкой промышленности (т.-е. произво- дящей средства потребленія). Наоборот, періоды депрессіи представляют собою время застоя или даже прямого упадка (иногда весьма значительнаго) тяжелой промышленности. Ес- ли есть в эти періоды движеніе вперед в промышленной обла- сти, то сказывается оно, по преимуществу, в отраслях л е г - к о й промышленности.

Переход от подъема к депрессіи бывает иногда очень рѣз- ким. Наоборот, депрессіи всегда изживаются постепенно. В пре- дѣлах народнаго хозяйства, потрясеннаго депрессіей и связан- ным с нею кризисом, мало по малу скопляются силы и средства для новаго подъема. Согласно формулѣ, общепринятой в по- литической экономіи, его можно считать наступившим в тот момент, когда в основных показателях, относящихся к тяжелой промышленности, максимальныя величины, характеризовавшія предыдущій період подъема, оказываются превзойденными.

Наиболѣе замѣчательной чертой новѣйших русских конъ- юктур является та, что Р е в о л ю ц і я у л о ж и л а с ь в и х р а м к и , н о н е н а р у ш и л а и х х о д а . В новѣйшей русской исторіи революціонныя событія приуро- чены к періодам депрессіи. Связь аграрных волненій 1902-1905 г.г. на югѣ Россіи с экономическим кризисом начала вѣка —

очевидна. Инициаторами волнений явились «шахтеры», т.-е. рабочие, вернувшиеся в свои места с пораженных кризисом предприятий Донецкого бассейна и южной металлургии. Сложной связью спаяны с изменениями конъюнктуры и революционные события 1917 г. Тот промышленный подъем, который коренная Россия переживала в годы войны, прошел чрез свой апогей в ноябрь 1916 г. Февральская революция произошла в начальной фазе депрессии. С своей стороны революционные события в огромной степени способствовали тому, что депрессия эта приобрела катастрофические размеры. Нет сомнения, что депрессия, которой предстоит разразиться в ближайшие годы, а может быть и в ближайшие месяцы в Советской России, тоже будет сопровождаться революционными событиями того или иного рода.

Общая ритмика развертывания русских конъюнктур не была нарушена социальным переворотом, происшедшим в 1917 г. Даже сроки не оказались смещенными. Депрессия, начавшаяся почти одновременно с первыми революционными событиями, продолжилась десять лет, т.-е. столько же, как и русская депрессия начала века. На грани 1926 и 1927 г., по основным промышленным показателям, был превзойден уровень 1916 г. 1927 г. можно считать первым годом нового промышленного подъема. Иными словами, к настоящему моменту (сентябрь 1932 г.) истекает шестой год очередного русского промышленного расцвета. И множатся признаки, что поворот к депрессии уже недалек. Есть основания думать, что с большей или меньшей точностью окажется соблюденной и та правильность, которая указывает на семилетнюю длительность русских промышленных подъемов.

Мы отнюдь не хотим увлекаться этими наблюдениями. Мы вовсе не думаем, что России навскину суждено переживать чередование семилетних периодов «расцвета» с десятилетними периодами депрессии. Мы не выходим за пределы предлежащего нам материала.

Поскольку дело идет о прогнозах, стремлениях и чувствах, мы предвидим, что наступающая в СССР депрессия окажется

изжитой в срок, который будет короче десяти лет. И мы желаем скорейшего ее изживания.

В конкретном виде чередование в новейшей истории России конъюктур разного характера определяется следующим образом:

Характер периода	Годы	Длительность
Подъем	1893-1899	7 лет
Депрессия	1900-1909	10 лет
Подъем	1910-1916	7 лет
Депрессия	1917-1926	10 лет
Подъем	1927	

Можно считать, что «плановое хозяйство», в той форме, в какой оно существовало до сих пор и существует в настоящее время, не отменило явления конъюнктуры. В частности, внимательное изучение истории пятилетнего плана управомачивает к заключению, что план этот представляет собою не что иное, как организацию промышленного подъема, наметившагося без связи с ним. Не подъем был создан планом, но самый план стал реальностью потому, что с очевидностью обнаружались признаки подъема. Плановые наметки на 1927/28 операционный год были превзойдены. К моменту составления пятилетнего плана для всех хозяйственников сдѣлалось несомненным наличие в экономике СССР резервов, о существовании которых они и не подозревали перед тем. В порядке констатирования факта нужно установить следующее: пятилетний план еще не знаменует собою преодоления стихийных начал хозяйства. Он сам в значительной степени порожден стихией.

Это не значит, что плановое хозяйство вообще бессильно воздействовать на стихию. Нет, оно может на него воздействовать. Но чтобы воздействие это было действительным, руководители планового хозяйства должны в полной мере отдать себе отчет в том, что конъюнктура отнюдь не отменена провозглашением «планового хозяйства». В ней есть некоторые не-

п р е х о д я щ и е элементы. С нею нужно считаться, и задача заключается в том, чтобы в л и я т ь на нее. Руководители же н ы н ѣ ш н я г о советского планового хозяйства очередной русской промышленный подъем приняли за переход в царство социализма, которому не будет конца. Страна дорого заплачит за эту ошибку.

Представители «генеральной линии», в своем увлечении волною подъема, у ж е с е й ч а с бросили в дѣло всѣ хозяйственные резервы, включая и ресурс инфляции, и тѣм самым обезоружили себя и страну перед лицом надвигающейся депрессии. Но из всего этого можно вывести и положительный урок. Разумно поставленное плановое хозяйство, способствуя промышленному подъему в момент стихийного его нарастания, должно, в то же время, сохранять в руках государства такіе резервы, введение которых в дѣло в момент перехода к депрессии могло бы ослабить остроту этой послѣдней.

Нельзя отрицать значенія рѣчи Сталина, произнесенной 23 июня 1931 г. с ея извѣстными 6-ю пунктами, как попытки упорядочить стихийныя явленія промышленнаго подъема в том видѣ, как онѣ развертывались в этот момент в странѣ. Факты безхозяйственности, полнаго забвенія начал экономіи и учета, безудержнаго оптимизма, которые описывал Сталин, отличительны и для капиталистических періодов подъема. Описание, данное Сталиным, лишній раз свидѣтельствует, насколько много общаго в эпохах подъема, без отношенія к тому, в капиталистических или социалистических формах они протекают. В такой момент «капитаны» государственной промышленности проявили, в условіях СССР, тѣ же свойства, которыя до них, в подобных обстоятельствах, проявляли капитаны промышленности капиталистической. И та же рѣчь Сталина ярко свидѣтельствует о том, что руководители советскаго хозяйства начинают ощущать о г р а н и ч е н н о с т ь ресурсов инвестиций, которыми они располагают. Депрессія в СССР наступит в тот момент, когда они дойдут до п р е д ѣ л а этих ресурсов.

Уже к настоящему моменту трудности, на которыя наталкивается коммунистическая власть, огромны. Но строительство

еще не приостановлено. Депрессія не началась. Промышленный подъем продолжается.

И возникает вопрос, как могло случиться, что эпоха широчайшаго русскаго промышленнаго строительства развернулась как раз в то время, когда на всем романо-германском Западѣ возобладал жесточайшій кризис. И он же явился и а ч а л ь н ы м м о м е н т о м кризиса в Европѣ и Америкѣ.

Если до сих пор у того или иного безпристрастнаго наблюдателя еще могли быть сомнѣнія в истинности основнаго Евразійскаго тезиса, характеризующаго Россію, как о с о б ы й э к о н о м и ч е с к і й м і р , то нынѣ сомнѣнія эти разсѣяны полностью. Совпаденіе глубокой депрессіи на Западѣ со временем усиленнаго строительства в Россіи даже не говорит, а к р и ч и т о том, что пути Россіи (на этот раз пути движенія ея экономических конъюнктур) пролегают по своей, о с о б о й линии. В этом совпаденіи с небывалой четкостью кристаллизуются обстоятельства, которыя и ранѣе не могли не остановить на себѣ вниманія экономиста. И до эпохи пятилѣтняго плана русскія конъюнктуры проявляли нѣкоторыя черты независимости от конъюнктур Запада. Еще в условіях капиталистическаго хозяйства, европейскій денежный кризис 1909 г. совсѣм не отразился в Россіи. Перед тѣм Россія не знала подъема, отвѣчающаго европейско-американской эпохѣ расцвѣта 1904-1907 г. Почти не отозвался в ней и закончившій эту эпоху кризис 1907 г. Наоборот, сказавшійся в Россіи в 1895-96 г.г. денежный (не обще-промышленный) кризис не имѣл соответствія на Западѣ. Число примѣров можно было бы умножить. Существенно подчеркнуть тот факт, что именно в эпоху пятилѣтки независимость русских конъюнктур от западных выступила на поверхность с особой ясностью. Давно намѣченная Евразійцами характеристика Россіи, как особаго э к о н о м и ч е с к а г о м і р а , обогатилась новой и важной составной частью.

Русскій промышленный подъем эпохи пятилѣтки куплен дорогою цѣною. Промышленные расцвѣты, во многих случаях, обходятся не дешево тѣм странам, в которых они происходят. Иногда этой цѣной является закабаленіе страны иностранному капиталу. Элемент поставленія русской промышленности

в финансовую зависимость от за-границы несомненно присутствовал в русском промышленном подъеме 1893-1899 г.г. В меньшей степени он чувствовался в расцвете 1910-1916 г.г. Целой осуществлению пятилетнего плана является сильнейшее сокращение народного потребления. В масштабах нашего времени, тот миллиард — другой золотых рублей, которые коммунистическая власть получила для осуществления своих целей в виде заграничных кредитов, не могут быть признаны решающими. Гораздо существеннее тот нажим на народное потребление, с которым связан финансовый план пятилетки, и о котором, в некоторых случаях, весьма откровенно говорят официальные документы. Величие строительства в стране и грандиозность лишений, ею переживаемых — эти факты не противоречат друг другу, но, наоборот, обуславливают друг друга. Средства для строительства небывалых в России размеров получены путем возложения на страну такого же масштаба лишений. Здесь действуют и рычаги налогового прессы, и принудительные займы, и политика высоких цен на промышленные изделия, диктуемых страной государством, выступающим в качестве производителя-монополиста.

Положительную цель пятилетки с максимальной точностью можно определить, как строительство особого мира России - Евразии. Коммунизм окрасил по своему осуществлению этого замысла. Им создано то обстоятельство, что строительство протекает в формах исключительно государственной промышленности. Он связал развертывание его со «сплошной коллективизацией» деревни и «ликвидацией кулачества, как класса». Эта политика вызвала опромные потрясения в русской деревне. В смысле опустошений, причиненных русскому животноводству, она стоила хорошей войны. Всем этим, лишения, выпавшие на долю страны, усугублены до чрезвычайной степени. Но коренная магистраль, по которой идут события, вырисовывается четко: СССР оборудуется, как самодовлеющее государство, слова о России, как особом экономическом мире, наполняются реальным, жизненным содержанием.

Автор этих строк много лет проработал над проблемой

русской автаркии. В предреволюционный период названный вопрос был центральным в научном моем мировоззрении. Ему были посвящены мои статьи, как 1916, так и 1921 г.г. («Проблема промышленности в хозяйстве имперской России» и «Континент — океан»). На этом вопросе складывались Евразийские мои убеждения. Он и сейчас кажется мне одним из существеннейших в построении русской экономической системы. Тем живее я ощущаю безмерность той страсти, которая обращена к этим вопросам некоторыми группами людей в современной России. Под псевдонимом «социалистического строительства» обосновывается русская автаркия. И именно ее пафосом живут кадры «строителей социализма». В этом заключается знаменательная ловка истории. Она заставляет коммунистов дѣлать Евразийское дѣло.

Строительство России, как самодовлеющего мира, гораздо непосредственнее и прямее связывается с Евразийской, чем с коммунистической мирозерцательной системой. Для коммунизма-интернационализма постановка такой задачи случайна. В чисто экономической сфере, осуществление лозунга «догнать и перегнать Европу и Америку» привело бы к многостороннему превосходству России над романо-германским Западом. Коммунисты с настойчивостью, праничашей с одержимостью, повторяют этот лозунг. Но только что намеченный результат, как таковой, собственно говоря, не может входить в их цели. Если бы они теоретически его признали своим, тем самым они перешли бы от интернационализма к крайнему экономическому национализму, особого рода «самобытничеству» в хозяйственной области. Между тем, практически, они ему служат. Другой вопрос — успешно ли это служение, не покупаются ли достижения слишком дорогой ценой, правильны ли применяемые методы. В частности, методы коммунистического действия решительно отвергаются Евразийцами. Но самый факт служения коммунистов задаче достижения Россией автаркии, т.-е. задачи своеобразно националистической, остается вне сомнений. В коммунистической практике обнаруживается значительный Евразийский элемент, т.-е. такой, который легче и проще

всего связывается с системой общевразийского национализма.

В духовной обстановке СССР эпохи пятилетки слышатся мотивы, созвучные установкам 1916 г. И в тот момент страна была охвачена идеей автаркии. Дѣятели русского капиталистического хозяйства с таким же увлечением служили ей, как сейчас ей служат «строители социализма». Ни в один, ни в другой момент, личная и материальная заинтересованность не являлась и не является определяющим фактором. И в том, и в другом случае ей можно приписать всего лишь подсобное значение. Увлекала и увлекает организационная идея, капиталистически-националистическая в первом случае, коммунистически-националистическая во втором.

Тот факт, что руководители «генеральной линии» зарвались, создали ситуацию, возникновения которой они не предполагали и со многими трудностями которой они бессильны бороться, заключает в себя большую национальную опасность. Срывом ряда начатых мероприятий ставится под угрозу не только чисто коммунистическая сторона замысла, но и многие моменты, существенные в плане строительства особого мира России-Евразии. В неудачах может поблекнуть пафос утверждения русской автаркии.

Но и это уже бывало. В первые революционные годы звучали горькой иронией слова о достижении самодостаточности русского мира, столь популярныя в 1916 г. Это не помешало им, на несколько лет позже, возродиться к новой власти и силе. Есть, видимо, у этой идеи способность внедряться в историю. Социалистическими и тяготящими к социализму формами жизни она способна овладевать ни как не в меньшей степени, чем формами капиталистическими. Даже крупныя неудачи, как и временныя провалы, не могут предотвратить жизненного ее воплощения. Рано или поздно, под одним лозунгом или под другим, Россия станет самодовлеющим миром, гармонической полной, во всей совокупности отраслей, определяющих для человеческого хозяйства.

На организационную идею, намечающую строительство этого мира, Евразийство может претендовать, как на специ-

фически свою, неотъемлемо принадлежащую к утверждаемому им кругу представлений. Конечно, дело идет не об авторском приоритете. Здесь Евразийство имеет множество предшественников. Вопрос касается внутренней связи и понятий. Именно в Евразийской системе русская автаркия целиком обосновывается внутренне, именно в ней она существенна и необходима. Она вытекает из учения о России-Евразии, как особого рода «симфонической личности», она полностью соответствует Евразийскому тезису о России, как особом географическом, историческом, этнографическом, лингвистическом и т. п. мире. Евразийство имело мужество провозглашать эту идею и тогда, когда внешнія обстоятельства максимально, казалось, ей противорѣчили (мы разумем начало 1920-х годов). Евразийство показывает, почему идея автаркии применима к русскому миру в такой степени, в какой она не применима ни к какому другому географическому и историческому миру нашей планеты (исключительная трудность широких сношений с мировым океанским хозяйством, указывающая на необходимость экономической самостоятельности; предельная многогранность природного одарения по промышленной, а отчасти и сельскохозяйственной отрасли и т. д.). В Евразийстве, и только в нем, идея русской автаркии находит достойное ее окружение.

Но идея эта, в Евразийской системе, отнюдь не направлена на изоляцию России от мира. Наоборот, ей присущи в этой системе всемирные элементы. Евразийцы уверены, что именно в качестве самоутвержденной экономической личности Россия-Евразия, в хозяйственной области, способна дать наибольшее остальному миру. Ведь, идея самодостаточности отнюдь не противорѣчит возможности и факту значительной внешней торговли. Но торговля эта направляется здесь на такие пути, на которых и отпадение ее, той или иной причиной, не могло бы угрожать гибелью Евразийскому государству. Не об изоляции, но о внутренней самостоятельности идет речь. Евразийцы не сомневаются, что Россия, как самодовлеющий мир, представит собою для остального человечества гораздо более интереснаго

контрагента, чѣм представляла бы в видѣ «задворков» мірового хозяйства. Между тѣм на такую роль она была бы обречена в том случаѣ, если бы не удалась ея попытка прорваться к автаркіи.

Способствует ли удачѣ этой попытки осуществленіе пятилѣтняго плана? В нѣкоторых отношеніях, несомнѣнно, способствует. Здѣсь можно назвать расширеніе ранѣе существовавших производств, постановку новых, промышленное включеніе новых районов (переоборудованіе Урала, развитіе Кузбасса, приступ к использованию естественно-промышленных богатств Хибинских гор и т. д.). Но на всем этом лежит тѣнь неустойчивости, в силу тѣх перенапряженій, которыми куплены названные достижения. Коммунисты не отдали себѣ отчета в том, что в условіях нашей эпохи прочное экономическое строительство возможно исключительно в формах государственно-частной системы. Этим термином мы обозначаем организационную идею, которая во главу угла ставит общее дѣло, но на служеніе ему привлекает также и частные интересы хозяйствующих лиц. В своем порывѣ к интегральному обобществленію авторы «генеральной линіи» далеко отошли от норм и формул государственно-частной системы. Они думали, что, собрав крестьянство в колхозы, они могут заставить его работать одним принужденіем. Они отбирали и отбирают колхозный хлѣб по цѣнам, эквивалентным отдачѣ его даром. Они полагали, что, при наличіи технической базы, принужденія достаточно и для организациі других (помимо зерновой) отраслей сельскаго хозяйства. Они слишком понадѣялись на себя. Они забыли, что и для плановаго хозяйства необходим свободный, хотя бы до извѣстной степени, рынок. Мощно вооруженное государство может вліять на этот рынок, но оно должно и провѣрять чрез него свои намѣтки. Они упустили из виду, что и вольный рынок труда необходим в интересах самого же плановаго хозяйства. Он давал бы государству-монополисту указанія на то, какой уровень заработной платы может обеспечить нормальное состояніе рабочаго снабженія, а слѣдовательно и безперебойную жизнь предприятий. Иными сло-

вами, также и в области промышленности, в интересах самого же государственнаго сектора, нельзя обойтись и без нѣкакаго сектора частнаго.

Всѣм этим пренебрегли вожди «генеральной линіи». Экономическая дѣйствительность продовольственными трудностями и разстройство жизни предприятий мстит им за это пренебреженіе. Вожди бросаются, если не к лозунгам, то к практикѣ государственно-частной системы. В сельскохозяйственной области, вмѣсто прежних единоличников, основным субъектом ея они стремятся сдѣлать колхозы; но на этот раз колхозы понимаются не только как форма повинности, но и как особый частно-хозяйственный субъект, как приобретаемая единица, хозяйствующая в интересах своих сочленов. Пока что, это не болѣе как теорія, еще жива инерціа предшествующаго періода, власть еще требует от крестьянства из урожая 1932 г. болѣе, чѣм миллиард пудов хлѣба — по существу, бесплатно. Но, несомнѣнно, этой теоріи предстоит, с теченіем времени, все болѣе осязательно воплощаться в жизни. В видѣ «добавочнаго» (усадебнаго) хозяйства колхозников возрождается и нѣчто подобное прежнему хозяйству единоличников. В формѣ артелей промысловой кооперациі, обладающих хозяйственной автономіей, возстанавливается частный сектор и в промышленной области. И что всего важнѣе — реабилитирован вольный рынок, цѣна, на нем складывающаяся. Пока что, реабилитирован частично, робко. Твердые цѣны, заготовки и распределеніе «в централизованном порядкѣ» еще сохраняют за собой обширное поле. Но брешь уже сдѣлана. По этому поводу можно печалиться, можно радоваться, нужно констатировать факт. Чрез эту брешь элементы вольной цѣны сначала постепенно, затѣм быстрѣе хлынут в совѣтское хозяйство. Уже сейчас часть рабочаго снабженія официально отдана в удѣл вольному рынку. Это обстоятельство, рано или поздно, вызовет стихійное повышеніе заработных плат. В промышленности намѣтится острѣйшая нужда в деньгах. Лишь до извѣстнаго момента можно будет покрывать ее расширеніем выпуска бумажных денег. Вѣдь, есть предѣл, на котором это средство перестает дѣйствовать. Вновь выпускаемая деньги

теряют покупательную способность. Всѣм предприятиям, для которых это доступно, придется разрѣшить продажу своей продукции по вольным цѣнам. На больший или меньший срок возстановится плановое хозяйство, основанное на существованіи рынка.

Евразійцы утверждают, что только такое плановое хозяйство и возможно в нашу эпоху, в качествѣ устойчиваго и длительного порядка. Они вовсе не обольщают себя мечтами о том, что русское народное хозяйство уже сейчас находится на путях к такому порядку. Они ясно понимают, что коммунисты способны еще много раз бросаться и в одну, и в другую сторону. Развертывающійся на наших глазах примѣр они рассматривают, как яркое доказательство необходимости примѣнять в народном хозяйствѣ автоматическій контрольный аппаратъ, в видѣ рынка, и автоматически дѣйствующія силы, в формѣ частно-хозяйственных импульсов. В то же время грандіозность сдѣланнаго в СССР по строительству автаркіи так же, как и весь опыт капиталистических стран (в качествѣ доказательства «от обратнаго»), свидѣтельствуют им о значеніи плановаго хозяйства и государственнаго сектора, как руководящих и господствующих принципов экономической жизни. Евразійская государственно-частная система и есть организационная идея, которая учитывает факты и одного и другого порядка.

Слѣдующее обстоятельство имѣет здѣсь чрезвычайную важность. В цѣлях обезвреженія и регулированія стихійных начал, менѣе всего цѣлесообразно их игнорировать. Учет и сознательное воздѣйствіе на них являются здѣсь единственно правильным методом. Это общее положеніе может быть специально примѣнено к отношенію плановаго хозяйства к конъюнктурѣ. Пятилѣтній план, в его осуществленіи «генеральной линіей», вмѣсто того, чтобы поставить конъюнктурные факторы в опредѣленные рамки, поплыл по теченію конъюнктуры. Тѣм самым стала, для опредѣленнаго момента, неизбежной и его аварія на подводных камнях конъюнктуры. Цикличность экономической жизни нужно осознать, как весьма существенный ея элемент. Корни его заложены в отличительных чертах

соціальной психологін, знающей, подобно психологін отдельнаго человѣка, свои особые приливы и отливы. Здѣсь мы встречаемся со столь же общим началом, как то, о котором в физикѣ рассказывает теорія квант. Отмахнуться от него не возможно. Соціальная революція и переход к обобществленію — конъюнктуры, как таковой, не отмѣняют. Только сознательным усиліем можно преодолѣть конъюнктуру. Лишь собирая в руках государства средства, достаточныя для выравниванія ея провалов, можно с успѣхом бороться с ея опасностями.

Преодолѣніе конъюнктуры составляет неотъемлемую часть Евразійской государственно-частной системы. Оно существенно для нея, как организационной идеи.

Нужно подчеркнуть, что идея эта осуществима только при нѣкоторых политических предусловіях. Теоретически вопрос ставится так. Преодолѣніе конъюнктуры невозможно без устойчиваго дѣйствія направленной на такое преодолѣніе организационной идеи. Устойчивость экономической системы не возможна без устойчивости политической. Это означает, что в условіях современности обязательной предпосылкой преодолѣнія конъюнктуры является введеніе идеократическаго строя. В нем константа политической жизни преобладает над ея переменными, а тѣм самым дѣйствіе организационной идеи обеспечено на длительный срок. Только в этих условіях, собирая заблаговременно силы и маневрируя ими, можно добиться дѣйствительной побѣды над бѣдствіями кризиса и депрессіи.

П. Савицкій.

ПРИМѢЧАНІЕ. — Давая мѣсто на своих страницах интересной и талантливой статьѣ П. И. Савицкаго, вождя чуждаго нам теченія, редакция «Новаго Града» дѣлает это отнюдь не потому, что соглашается с его утвержденіями. Мы цѣним в ней прежде всего четкость в самой постановкѣ вопроса о пятилѣткѣ. Близкую редакціи точку зрѣнія читатель найдет в печатаемой ниже статьѣ С. О. Гессена.

Редакція.

О пятилѣткѣ и проблемѣ хозяйственной автаркіи

Единомысленники по «Новому Граду» уже неоднократно имѣли случай высказать свое отношеніе к евразійству, от котораго нас рѣшительно отдѣляет его поспѣшная готовность пожертвовать свободой ради идеократіи. В оправданіи политической свободы и разработкѣ новых форм свободного и в этом смыслѣ демократическаго строя, соответствующаго революціонной ситуациі, мы видим даже одну из главных задач «Новаго Града». Разумѣется, мы не можем согласиться с напечатанной в настоящем номерѣ статьёй П. Н. Савицкаго, которая даже среди работ этого блестящаго, но всегда в плѣну своей идеологіи пребывающаго автора, выдѣляется своей евразійской заостренностью. Но она хороша уже тѣм, что ставит вопросы со всей возможной рѣзкостью, вызывая несогласных с ним на столь же точные и опредѣленные отвѣты.

1

Вопросы, вызываемые статьёй П. Н. Савицкаго, сводятся в основѣ своей к слѣдующим двум: 1. Является ли пятилѣтка «организациёй промышленнаго подъема», обусловленнаго всѣмъ предыдущимъ экономическимъ развитіемъ Россіи, укладывающима в органическую схему ея національнаго экономическаго роста и доказывающима фактическую самодостаточность Россіи, как особаго хозяйственнаго міра? 2. Может ли политика хозяйственной автаркіи, проводимаая сейчасъ большевиками, быть признана правильной, как с точки зрѣнія національных интересовъ Россіи, так и с точки зрѣнія положительнаго социальнаго идеала? От рѣшенія обоихъ этихъ основныхъ вопросовъ зависитъ уже рѣшеніе и всѣхъ остальныхъ, поднимаемыхъ статей П. Сави-

цкаго, как, напримѣр, вопросъ о преодолѣніи конъюнктуры, о государственно-частной системѣ хозяйства и т. д.

Обращаясь къ первому вопросу, мы должны сказать, что еще три года тому назадъ евразійцы не были одиноки в своемъ отношеніи к пятилѣткѣ, какъ къ положительному фактору русскаго экономическаго развитія. Не только иностранные экономисты, но и нѣкоторые русскіе экономисты демократическаго лагеря эмиграціи были склонны до третьяго, «рѣшающаго» года пятилѣтки утверждать и «органичность» пятилѣтняго плана и независимость организуемаго имъ промышленнаго подъема Россіи отъ капиталистическаго хозяйства, в частности отъ міроваго кризиса. Пятилѣтка, говорили они, измышлена не большевиками, а русскими спецами, включившими в нее предположенія, еще задолго до революціи разрабатывавшіяся русскими инженерами и экономистами. Если она будетъ осуществлена не на всѣ 100 процентовъ, а только на 50 или даже на 40, то все же она будетъ означать рѣшительный шагъ впередъ на пути русскаго экономическаго роста, и при томъ такой шагъ, необходимость котораго предвидѣлась и требовалась русскими хозяйственными дѣятелями до революціи. Даже когда міровой хозяйственный кризисъ уже совершенно обозначился, тѣ же самые русскіе экономисты из демократическаго лагеря не утратили своего оптимизма по отношенію к пятилѣткѣ. Какимъ образомъ кризисъ капиталистическаго хозяйства, говорили они, можетъ отразиться на строительствѣ пятилѣтки, протекающей в условіяхъ независимаго отъ него социалистическаго хозяйственнаго строя?

Если чѣмъ-либо евразійскій подходъ къ дѣлу отличается отъ этихъ взглядовъ, то только своимъ метафизическимъ обоснованіемъ. Нѣтъ нужды, что метафизическое обоснованіе П. Н. Савицкимъ своей евразійской точки зрѣнія рядится в эмпирическія ризы діаграммы и статистической схемы. На примѣръ хотя бы марксизма мы видим, что, чѣмъ элементарнѣе метафизика, тѣмъ охотнѣе она принимаетъ видимость эмпирии, в особенности той яко бы безспорной эмпирии, которая дается статистической схемой. Отъ этого она не перестаетъ быть метафизикой, в данномъ случаѣ метафизикой «организаціонной идеи», замѣнившей в евразій-

ствѣ метафизику «производственныхъ отношеній». От нас скрыты ея авторомъ тѣ способы вычисленія отдѣльныхъ показателей, да и самые показатели, сравненіе которыхъ привело его къ установленію имъ того, что онъ называетъ «ритмомъ русскаго экономическаго развитія», и мы не можемъ вслѣдъ за нимъ провѣрить правильность утверждаемаго имъ чередованія семилѣтнихъ періодовъ подъема и десятилѣтнихъ періодовъ депрессіи. Укажемъ только, что, если даже такой фактъ, какъ міровая война, который и евразійцы врядъ ли рѣшатся причислить къ фактамъ имманентнаго хозяйственнаго развитія Россіи-Евразіи, оказался не въ состояніи, хотя бы только на одинъ годъ, сдвинуть ритмъ экономическаго развитія Россіи, то одно изъ двухъ: или ритмъ развитія есть метафизическая сущность, по отношенію къ которой безсилны всѣ факты эмпирической дѣйствительности, или подлинный ритмъ развитія не укладывается въ схему семи-десятилѣтняго чередованія. Впрочемъ, самое причисленіе лѣтъ войны къ годамъ промышленнаго подъема свидѣтельствуетъ о метафизическомъ подхождѣ къ вопросу: П. Н. Савицкій, очевидно, считаетъ, что увеличеніе выплавки стали и чугуна есть какой-то абсолютный показатель, независимо отъ того, идетъ ли выплавляемый металл на снаряды или на увеличеніе промышленнаго оборудованія страны.

Если отвлечься отъ всей этой эзотерической метафизики организаціонной идеи, то въ евразійскомъ отношеніи къ пятилѣткѣ остается безспорной нѣкоторая доля истины. Первоначальный пятилѣтній планъ, какъ онъ былъ задуманъ и начатъ исполненіемъ «правой оппозиціей», въ послѣдствіи разгромленной Сталинымъ, въ значительной своей части вытекалъ изъ потребностей страны, продолжая русское дореволюціонное экономическое развитіе, и постольку былъ и организаціей очереднаго промышленнаго подъема. Столь же безспорно однако, что экономическая политика Сталина, задавшаяся безумной цѣлью индустриализовать страну на основѣ столь же планомѣрнаго и систематическаго разрушенія рынка, сковала этотъ подъемъ, преждевременно задушила его, и при томъ въ срокъ, значительно болѣе короткій, чѣмъ это полагалось бы по схемѣ нашего автора. Если бы П. Н. Савицкій продолжилъ свои вычисленія до настоящаго

«завершающаго» года пятилѣтки, то, думается, онъ принужденъ былъ бы признать, что депрессія началась уже въ 1932 г., т.-е. за годъ до положеннаго ей, согласно «ритму русскаго экономическаго развитія», срока. Утвержденіе его, что «строительство еще не приостановлено», «депрессія не началась», «промышленный подъемъ продолжается», противорѣчитъ всѣмъ даннымъ совѣтской статистики, и никакими статистическими манипуляціями этого факта отмѣнить нельзя.

Существененъ поэтому не вопросъ о срокахъ, а другой, дѣйствительно, основной вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ совѣтское плановое хозяйство хоть въ какой бы то ни было малой и искаженной степени является зародышемъ новой хозяйственной системы, преодолевающей вырождающуюся на Западѣ систему капитализма и соответствующую національнымъ особенностямъ Россіи. На этотъ вопросъ евразійцы даютъ двусмысленный и соблазнительный отвѣтъ. Ими отвергаются только «методы коммунистическаго дѣйствія», но, повидимому, не самая цѣль, которой, въ силу «уловки исторіи», коммунисты безсознательно руководствуются. Между тѣмъ статья П. Н. Савицкаго сама даетъ данныя въ пользу противоположнаго вывода. Въ «преодоленіи конъюнктуры», т.-е. смѣняющихъ другъ друга волнъ подъема и депрессіи, справедливо видитъ П. Савицкій отличительную черту подлиннаго плановаго хозяйства. Совѣтское же хозяйство эпохи пятилѣтки не только не выправило конъюнктурной кривой капиталистическаго хозяйства, но, напротивъ, чрезвычайно усугубило ея кривизну. Форсировавъ до крайности подъемъ, оно подготовило почву для депрессіи, размѣры которой, въ силу крайняго исчерпанія всѣхъ резервовъ, самимъ П. Савицкимъ предвидятся какъ необычайные. Этимъ лишній разъ подтверждается защищаемое нами положеніе, что совѣтское хозяйство отличается отъ капиталистическаго лишь тѣмъ, что всѣ отрицательныя начала послѣдняго находятъ въ немъ свое крайнее выраженіе (см. нашу статью въ № 4 «Новаго Града»). Коммунизмъ — это есть капитализмъ въ своей самой безудержной и беззащитной формѣ. Монополія внѣшней торговли, которой совѣтское хозяйство отрѣзано отъ міроваго, есть не что иное, какъ крайнее выраженіе той уродливой автаркіи, которая есть фактъ современ-

наго капиталистического хозяйства и один из самых ярких симптомов его вырождения. И потому эта автаркия менее всего означает самодостаточность советского хозяйства, его социалистическую независимость от мирового капитализма.

Тем самым, с другой стороны, дается также и ответ на вопрос об «удаче» пятилетки. Как строительство новой хозяйственной системы, пятилетка явно не удалась. Удалась ли она, и насколько процентов, просто как хозяйственное строительство? В этом вопросе П. Н. Савицкий склонен занимать оптимистическую позицию. Не впадает ли он в данном случае в соблазн смешения техники и хозяйства, смешения столь же понятного в устах иностранного инженера, сколь недопустимого в устах русского экономиста? Вопрос заключается не в том, какая часть предполагаемой пятилетки окажется к концу 1932 года технически осуществленной, а какая часть основанных за время пятилетки хозяйственных предприятий переживет наступивший уже период депрессии. Если депрессия будет такова, какой ее ожидает П. Савицкий, если даже просто будет продолжаться нынешнее состояние, и большинство советских предприятий окажутся через некоторое время лишенными своих капиталов, то они должны будут прекратить работу, несмотря на все совершенство своего технического оборудования. Чтобы пустить их в ход, придется обратиться все к тому же иностранному капиталу, освобождение от которого составляло замысел и *raison d'être* пятилетки. В этом смысле можно сказать уже сейчас, что пятилетка рухнула вся целиком, если даже и окажется верным, что некоторый процент технических сооружений, принадлежащих нынешним советским предприятиям, перейдет в наследство к новым предприятиям, которые с помощью иностранного капитала придется основывать на развалинах рухнувших предприятий советских.

Таким образом ложны и губительны не только методы проведения пятилетки, но ее метод, метод индустриализации страны через уничтожение покупательной силы населения, т.е. через разрушение рынка. Поэтому никак нельзя согласиться с П. Н. Савицким, что большевики бессознательно, против своей воли, делают национальное дело. Единственно, что правиль-

но в пятилетке — это ее замысел индустриализации страны. Но, думается, вряд ли найдется хотя бы одно эмигрантское течение, которое не признавало бы этой правды пятилетки. Даже самые рьяные защитники «мирового хозяйства» и «естественного» разделения труда между аграрными и промышленными странами, вряд ли будут оспаривать необходимость индустриализации России, значит, и тех мер протекционизма, без которых она, при нынешней исторической ситуации невозможно. С другой стороны, и П. Н. Савицкий вряд ли будет оспаривать и неизбежность широкого использования индустриализируемой Россией иностранных капиталов, в особенности, если методы советской индустриализации представляются ему самому неприемлемыми. Участие России в мировом хозяйстве является при этих условиях фактом, который в течение еще долгого периода времени будет по необходимости определять экономическое развитие России.

2

Какой же смысл в таком случае может иметь идея хозяйственной автаркии Евразии? Надо сказать, что из всех мыслей, составляющих евразийское учение, идея хозяйственной автаркии наименее евразийская. Сейчас это одна из наиболее интернациональных мыслей, выдвигаемая во всех странах национальными политическими группировками. В Германии идея хозяйственной автаркии защищается национал-социалистами, в Италии — фашистами, в Англии — консерваторами, в Польше — идеологами национального блока, поддерживающими диктатуру Пилсудского. Этим мы отнюдь не хотим умалить оригинальности евразийцев, которым, повидимому, принадлежит приоритет нового обоснования этой мысли в обстановке послевоенного времени. Идея хозяйственной автаркии бесспорно важная и существенная идея, она должна быть обсуждена по существу, и при обсуждении ей надлежит отрешиться от всех тех эмоций, которые вызываются у демократических течений тем обстоятельством, что ее монополизировали сейчас националисты и диктатурщики всех стран. Прежде всего надо сказать, что

хозяйственная автаркия не есть сейчас только нечто желаемое, в осуществлении чего право-лѣвые приверженцы диктатуры усматривают путь к преодолѣнію капитализма. Хозяйственная автаркия есть, увы, факт современной дѣйствительности, громко заявляющій о своем существованіи и каждодневно увеличивающійся в своей подрывной, разрушительной силѣ. Таможенные, валютныя и всякаго рода другія заставы, которыми даже самыя мелкія государства отгородились сейчас друг от друга, каждодневно усиливая строгость ввозных и вывозных запрещеній и высоту таможенных ставок, есть мыслимый предѣл автаркіи. Крайним доктринерством было бы, однако, считать (как это дѣлают нѣкоторые публицисты демократического лагеря нашей эмиграции), что эта уже существующая нынѣ автаркія есть только плод политическаго націонализма. Как государство вмѣшивается в хозяйственную жизнь капиталистических стран против своей воли, будучи принужденным к вмѣшательству силою обстоятельств, так и неистовствующая сейчас автаркія вызывается глубокими сдвигами внутри мірового хозяйства, и трудно найти сейчас хоть одну политическую партію, как бы демократично и фритредерски ни была составлена ея программа, которая не приложила бы своих рук к созданию нынѣшняго положенія. Судьба англійских трудовиков и англійских либералов, без участія которых в національном правительствѣ не могла бы никогда «перевернуться новая страница экономической исторіи Англій», в этом отношеніи достаточно показательна. Никакими выкриками по адресу націоналистическаго интернаціонала нельзя отмѣнить того факта, что автаркія есть симптом распада мірового хозяйства прежняго капиталистическаго стила, и что распад этот обусловлен глубокими сдвигами внутри капиталистическаго рынка. Идеологія свободной торговли имѣла глубокій смысл тогда, когда Европа была как бы громадным промышленным городом на тѣлѣ мірового капиталистическаго рынка, и когда возможности горизонтальнаго расширенія этого рынка были практически неограниченными. Правда, даже и тогда — в эпоху не утратившаго своей ликвидности капитала (см. нашу статью в № 3 «Новаго Града») — идеологія свободной торговли была внутри Европы

естественной идеологіей тѣх стран, которыя ранѣ других успѣли индустриализироваться. Нынѣ, когда заморскія страны создали свою промышленность, и когда горизонтальное расширение достигло своего предѣла, видѣть в свободной торговлѣ ланацею от всѣх бѣд — значит закрывать глаза на очевиднѣйшіе факты современной дѣйствительности. Европа должна как-то перестроить свое хозяйство, чтобы выйти из настоящаго кризиса, среди многообразных причин котораго упомянутые сдвиги в міровом хозяйствѣ составляют одну из существенных его слагаемых. Дальнѣйшее расширение рынка, невозможное впрель в горизонтальном направленіи, неизбежно должно будет принять направленіе вертикальное, т.-е. путь поднятія покупательной силы внутри отдѣльных стран, приобщеніе к рынку не отдаленных заморских селеній, а новых и новых пластов населенія внутри страны. Что это возможно лишь путем упорной и значительной реорганизации промышленных стран Европы, хотя и реорганизации их на совершенно новых принципах внесенія в запущенную деревню начал городской культуры, — об этом справедливо говорят новѣйшія аграрныя программы германской и австрійской социал-демократіи, также как и англійской рабочей партіи (см. мою статью в № 36 «Современных Записок»).

Безспорно, путь этот потребует большаго творческаго усиленія и больших жертв со стороны всѣх слоев населенія. Он потребует реорганизации не только хозяйства, но и других сторон общественной жизни, в частности школы, особенно сельской. Весь сложный комплекс проблем, связанных с вертикальным расширеніем рынка, должен быть, наконец, поставлен. Если наши консерваторы из демократическаго лагеря его не ставят, то они этим не спасают демократіи, а ее дискредитируют и губят. Проблема не перестает быть проблемой от того, что ее увидѣли и поставили политическіе противники демократіи, что, напримѣр, проблема реаграризации страны и реформы сельской школы поставлена хотя бы в Германіи кругом редакціи «Die Tat». Как бы ни были велики жертвы на этом пути, онъ ничто в сравненіи с тѣм, что бы ожидало крестьянскія страны Европы, если бы, в результатѣ неожиданнаго торжества доктрине-

ров свободной торговли, Америкѣ и Австраліи было позволено затопить своей пшеницей европейскій рынок (срв. статью Н. Долинскаго в № 48 «Современныхъ Записокъ», в которой дана яркая характеристика аграрной революціи в Америкѣ и Австраліи, приведшая в теченіе нѣсколькихъ лѣтъ к снижению себѣстоимости производства в этихъ странахъ вдвое). Впрочемъ доктрина свободной торговли есть сейчасъ утопія, не меньшая, чѣмъ рецидивъ классическаго либерализма, предлагаемый экономистами типа Мизеса. Ни одинъ отвѣтственный политическій дѣятель, какъ бы сильны ни были либерализмъ и демократизмъ отвлеченно принимаемой имъ программы, просто не найдетъ в себѣ мужества проводить ее реально в жизнь. Доктрина свободной торговли есть сейчасъ не столько программа, сколько лицемѣрный отказъ отъ какой-либо практической программы.

Настоящая творческая программа не можетъ сейчасъ быть ни политикой автаркіи в ея нынѣшнемъ видѣ, ни политикой ея отвлеченнаго отрицанія. Міровое хозяйство сейчасъ разрушено, и этотъ фактъ стабилизированной экономической войны всѣхъ противъ всѣхъ пріобрѣтаетъ особенно зловѣщій видъ на фонѣ успѣховъ техники, продолжающей неустанно преодолевать границы пространства и дающей современному человѣчеству в руки всѣ внѣшнія средства для установленія всеобщаго сотрудничества. Примитивная связь отвлеченной механической конкуренціи сейчасъ явно уже недостаточна для того, чтобы служить спайкой мірового хозяйства. Органическое же единство слишкомъ сложно, чтобы могло быть осуществлено сразу. Единственный путь, который намѣчается самъ собою, есть путь региональныхъ соглашеній, путь образованія большихъ «материковыхъ» экономическихъ системъ, осуществляющихъ внутри себя начало относительной хозяйственной автаркіи. Британская Имперія, Америка, Французская Имперія, Средняя Европа и т. п. крупныя объединенія являются необходимыми предварительными этапами на пути къ отдаленному еще сейчасъ идеалу новаго мірового хозяйства. В экономической области еще болѣе, чѣмъ в области политической, отвлеченное единство можетъ оказаться губительнымъ. Даже самые рьяные защитники Лиги Націй признаютъ сейчасъ необходимость перестройки ея на основѣ «международнаго

регионализма», справедливо полагая, что отвлеченное равенство ея нынѣшняго строенія есть одна изъ главныхъ причинъ ея слабости (срв. книгу Г. Гурвича «Le temps présent et l'idée du droit social», 1931, II, гл. 3, § 1). В хозяйственной области повтореніе ошибокъ отвлеченной демократіи является особенно недопустимымъ. Выработка конкретныхъ формъ органической демократіи, — демократіи, соответствующей пореволюціонной ситуациі, является здѣсь вопросомъ столь же настоятельнымъ, сколь и отвѣтственнымъ.

Какъ ни представлять себѣ в деталяхъ этотъ материковый экономическій регионализмъ, одно не подлежитъ уже сейчасъ никакому сомнѣнію: Россія в предѣлахъ нынѣшняго СССР (возможно, со включеніемъ нѣкоторыхъ лимитрофныхъ странъ) является, какъ и Британская Имперія и какъ Америка, естественной экономической системой будущаго «материковаго» хозяйства, вырастающаго на развалинахъ хозяйства мірового. Утверждая хозяйственную автаркію Евразіи, евразійцы защищаютъ позицію, гораздо болѣе прочную, чѣмъ позиція германскихъ націонал-соціалистовъ или польскихъ автаркистовъ. В особенности, если принять во вниманіе, что П. Н. Савицкій понимаетъ автаркію не какъ абсолютную самодостаточность, а какъ относительную независимость данной экономической системы отъ другихъ материковыхъ системъ.

В своей статьѣ П. Н. Савицкій связываетъ идею автаркіи с идеей плановаго хозяйства. Что устойчивость плановаго хозяйства предполагаетъ большую независимость его отъ внѣшняго рынка, — это безспорно. Вѣрно также и то, что плановое хозяйство должно будетъ покоиться в первую очередь на расширеніи рынка в вертикальномъ направленіи, т. е. на развитіи покупательной силы собственнаго населенія. И в этомъ отношеніи подлинное плановое хозяйство является полной противоположностью хозяйства совѣтскаго, жертвующаго внутреннимъ рынкомъ ради рынка внѣшняго. Лишнее подтвержденіе нашей тезы, что совѣтское хозяйство есть не плановое хозяйство, а крайній предѣлъ вырожденія хозяйства капиталистическаго (срв. нашу статью в № 3 и 4 «Новаго Града»). В теоріяхъ автаркіи эти чисто экономическія соображенія отступаютъ обыкновенно на задній планъ передъ соображеніями политическими. Требуя

автаркіи, німецкіе націонал-соціалісты прямо заявляють, что автаркія должна обезпечить независимость Германіи на случай войны. Тот же политическій привкус слышен и в программѣ фашистов и польских пилсудчиков, так же как и в сталинской теоріи социализма в одной странѣ. Автаркія мыслится во всѣх этих случаях, как орудіе великодержавности и имперіализма. вмѣсто объективации хозяйства, освобожденія его от политики, мы имѣем здѣсь, напротив, замысел подчинить хозяйство цѣлям государства, существо котораго усматривается в его «естественном» стремленіи к расширенію своей мощи. В этом отношеніи евразійцы не составляют исключенія: для них хозяйственная автаркія вытекает из «организационной идеи», носителем которой является государство, а не из задачи «преодоленія конъюнктуры», т.-е. возмѣщенія хозяйству, утратившему свой автономизм, его устойчивости путем его внутренней организации. Послѣдній замысел подлиннаго плановаго хозяйства заключается в его объективации, в исключеніи из хозяйственных отношеній начал произвола, превращающих собственность из орудія производства в орудіе классоваго и политическаго господства. Такова задача плановаго хозяйства внутри каждой отдѣльной страны, и таковой же она только и может быть во внѣ, во взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными странами. Автаркія в смыслѣ подчиненія хозяйства государству, превращенія его в простое орудіе власти и великодержавной политики государства, представляетъ собой прямую противоположность плановому хозяйству, которое в полной мѣрѣ можетъ быть осуществлено лишь на путяхъ мира, а не войны, т.-е. на путяхъ ограниченія суверенности отдѣльныхъ государствъ хозяйственнымъ международнымъ правомъ. Какъ внутри отдѣльнаго государства плановое хозяйство достигается не вмѣшательствомъ государства, какъ властнаго союза, а пронизаніемъ хозяйства социальнымъ правомъ и подчиненіемъ государства послѣднему (его «демократизацией»), точно такъ же и устойчивость плановаго хозяйства во внѣ обезпечивается не государственной монополией внѣшней торговли, превращающей послѣднюю в орудіе великодержавности, а международными соглашениями, руководимыми чисто хозяйственными мотивами, т.-е. имѣющими цѣ-

лью своей наилучшее обезпеченіе и согласованіе интересовъ потребителей и производителей различныхъ стран.

Уже из этихъ бѣглыхъ соображеній явствуетъ и наше отношеніе къ «государственно-частной системѣ хозяйства» евразійцев. Что такое «государственно-частная система» П. Н. Савицкаго? Это есть система, «которая во главу угла ставитъ общее дѣло, но на служеніе ему привлекаетъ также и частные интересы хозяйствующихъ лицъ». Этимъ она отличается отъ капиталистическаго строя, в которомъ «во главѣ угла стоятъ частные интересы», только ограниченные «общимъ дѣломъ», представленнымъ государствомъ. Этой перемѣны ударенія, по мнѣнію П. Н. Савицкаго, достаточно для того, чтобы преодолѣть противоположность капитализма-коммунизма. Какъ будто простая рядоположность двухъ началъ достаточно для того, чтобы дать нѣчто большее, чѣмъ эклектическій «взаимный плагиатъ» между ними. Одно изъ двухъ: или государственно-частная система означаетъ право государства вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь, — тогда это тотъ же «поздній капитализмъ». Или она означаетъ абсолютное верховенство въ хозяйственной жизни государства, по своему усмотрѣнію устанавливающаго объемъ «частно-хозяйственнаго сектора», — тогда это тотъ же Нэп, только открытый и честный, лишенный своего характера ловушки и провокаціи. вмѣсто произвола отдѣльнаго лица, евразійская «государственно-частная система» устанавливаетъ произволъ государства, орудіемъ котораго и должна служить хозяйственная автаркія. Произволъ отъ этого не перестаетъ быть произволомъ, и не удивительно, что евразійство ищетъ выхода въ идеократію, т.-е. въ передачу всей полноты государственной и хозяйственной власти въ руки лицъ, добрая воля и компетентность которыхъ гарантируется не ихъ заслугами, опытомъ и знаніями, а исповѣданіемъ ими нѣкоторой системы догматовъ. вмѣсто объективизации хозяйства, достижимой лишь черезъ исключеніе изъ него начала власти и господства, мы имѣемъ здѣсь обоженствленіе власти, тотъ же имперіализмъ, составляющій существо современнаго — одинаково капиталистическаго и коммунистическаго — язычества.

С. Гессен.

Новая фаза капитализма

В настоящее время не может быть сомнений, что эволюция капитализма в сторону связанного хозяйства на частнохозяйственной основе сопровождается целым рядом структурных изменений в социально-экономическом устроении капиталистических стран, в организации труда и в технике. Все авторитетные представители экономической мысли от Зомбарта до национал-идеократа Фрида посвятили интересные исследования проблем структурных изменений.¹⁾ Однако понятие перерождения капитализма нельзя, если не принять во внимание ряд других важных экономических явлений, характерных для современной фазы капитализма, как рост промышленного этатизма и административного протекционизма; превращение финансовой политики государства в конъюнктурную политику *suī generis* и зарождение подлинных монополий. Характер государственного хозяйства в целом становится более сложным.

Народное хозяйство капиталистических стран состоит из ряда взаимодействующих секторов. Темп эволюции капитализма зависит в известной степени от расширения государственного сектора, которое, наряду с расширением сектора муниципального и кооперативного, не только усложняет видение капитализма в докапиталистический сектор, но и постепенно понижает его удельный вес в народном хозяйстве.

Рост промышленного этатизма, ускоряя эволюцию капитализма, однако не гарантирует ее от революционного слома фашистской идеократией, которая всегда может использовать государственные предприятия в качестве экономических командных высот политической диктатуры. В связи с этим темп разви-

¹⁾ Соображения о структурных изменениях в капитализме см. в моей статье «Германские экономисты о судьбе капитализма» («Новый Град» № 3).

тия государственного сектора приобретает исключительное значение в нашу эпоху, отличающуюся ростом коммунистического и национал-идеократического движений. В случае нормального развития промышленного этатизма выход эволюционирующего капитализма на правильные пути планирования в виде административного протекционизма, государственной конъюнктурной политики, экономического парламента и социально-экономического баланса принимает органический и спокойный характер.

В настоящее время капитализм еще не врос в связанное хозяйство на частнохозяйственной основе, но уже достиг своей более совершенной, связанной фазы, в которой государственное хозяйство получает перевес над частнокапиталистической стихией. Эта частичная репроприация государства — в терминологии Гольдшейда, — или превращение государства, живущего налогами, в государство — предпринимателя и руководителя, еще не приводит к системе государственного социализма, так как не стирает границ между хозяйством государственным и народным. В современной фазе капитализма промышленный этатизм находит свое выражение в развитии государственных коммерциализованных предприятий, автономных финансовых управлений и смешанных обществ, так что переплетение государственного и капиталистического сектора принимает весьма сложный характер.

В настоящее время все авторитетные экономисты, включая даже такого либерала, как Кейнс, признают небывалый рост государственных предприятий или холодной социализации. Свое особое развитие промышленный этатизм получил в странах центральной и восточной Европы, где государство нередко принимает на свое иждивение целые отрасли народного хозяйства. Из статистики, предложенной геттингенским экономистом Мичерлихом, мы видим, что в конце 1929 года в Германии имелося 496 имперских государственных предприятий; 1.449 предприятий, принадлежащих отдельным государствам; 12.432 предприятий общественного характера, управляемых общинами под фактическим контролем государства; 3.282 предприятий в руках политических автономных обществ и 4.922 предприятий

публично-правовых хозяйственных единиц (включая германские железные дороги). Сюда следует отнести еще тысячу смѣшанных обществ. Все эти предприятия, составляющие государственный и муниципальный сектор германского народного хозяйства, дают заработок двум миллионам граждан или 11% всех занятых в промышленности лиц. Рассмотрение государственных доходов балтийских государств приводит нас к заключению, что там фискальные и промышленные предприятия государства имеют большее фискальное значение, чем прямые налоги. В 1928/29 году, т.-е. перед началом кризиса, доход от государственных предприятий и монополий составлял в Эстонии 36,2%, в Латвии 30% и в Литве 29% всех государственных доходов. Рост промышленного этатизма за последние 4 года сказался с особенной силой также в Польше, Австрии, Югославии и Румынии; в частности в Югославии доход от государственных монополий и предприятий составляет больше половины государственных доходов. Менее значительное развитие получили государственные предприятия во Франции, где в руках государства имеются такие крупные предприятия как: автономная Севрская мануфактура, железные дороги во вновь присоединенных областях, азотные фабрики в Тулузе, горнозаводская промышленность в Саарской области, производство спичек, табачная монополия и проч. Государственный сектор во Франции и в Бельгии, имея менее значительный вес в народном хозяйстве, чем в Германии, носит особо сложный характер, так как наталкивается в своем развитии на синдикализм и причудливо переплетается с кооперативным сектором.

Современное капиталистическое государство, выступая в качестве предпринимателя, все реже и реже организует свои предприятия в форме публично-правовых корпораций, обыкновенно приносящих дефицит. Такое публично-правовое предприятие не выделяется из общего государственного бюджета, не ведет частно-хозяйственного учета, постоянно дополнительно финансируется государством из налоговых поступлений и применяет камералистическую бухгалтерию, т.-е. противопоставляет смѣтные предположения и ассигновки действительным расходам. Принцип хозяйственности находит свое выражение

преимущественно в сокращении расходов, допущенных смѣтой. Служащие назначаются соответственным министерством; генеральный директор предприятия, связанный смѣтой, сносится через свое министерство с отделением для бюджетного контроля при министерстве финансов и без его согласия не может увеличить расходов на штат служащих. Отсюда возникает бюрократизация публично-правового предприятия; постепенно появляются формализм, хождение по инстанциям, повышение жалования и положения отдельного служащего по возрастному цензу, создание инстанций для переписки внутри предприятия и в большинстве случаев — в частности во Франции — запрещенные забастовки и рабочих объединений. Подобная организация единичного хозяйства, работающего на рынок, оказывается весьма нерентабельной и не отвечает принципам рационализации. Отсюда стремление государства дать своим предприятиям какую-либо частно-правовую форму и тем облегчить внедрение государственного сектора в сектор капиталистической. Подобное коммерциализованное предприятие выделяется из общего бюджета, обладает административной и финансовой автономией, стремится к рентабельности и применяет в большинстве случаев двойную бухгалтерию. Во главе такого государственного или коммунального предприятия, облеченного в частно-правовую форму, стоит директор, зависящий от административного комитета, играющего роль совета в акционерной компании, и в конечном итоге — от министерства или городских коллегий, вступающих общее собрание акционеров. Поэтому общественные предприятия организуются преимущественно в форме акционерных компаний, или в виде обществ с ограниченной ответственностью. Недостаточная рентабельность коммерциализованных предприятий нередко заставляет государства объединять их в особых автономных управлениях или кассах — что в частности широко применяется в Румынии.

Развитие промышленного этатизма отчасти объясняется постепенной бюрократизацией частнокапиталистических предприятий, подготавливающей психологически удобную почву для холодной социализации. Эта исключительно важная проблема усердно изучается германскими экономистами и нашла доста-

точное освещение в трудах Зомбарта, Мичерлиха, Муса, Бонна и Бентэ.¹⁾ Ими установлено, что крупное капиталистическое предприятие очинивается и принимает ряд бюрократических черт, прежде свойственных только публично-правовой корпорации; до известной степени оно элиминирует риск точным анализом рынка и научным исследованием конъюнктуры, обезличивает товар и приносит интересы акционеров в жертву финансовым интересам предприятия. К этому присоединяются такие значительные факты, как превращение акционеров из предпринимателей в капиталистов и кажущаяся диктатура наемных руководителей предприятия, фактически связанных распоряжениями руководителей концернов и синдикатов — иными словами, той административно-хозяйственной надстройкой, которую Мичерлих удачно назвал средним слоем народнохозяйственной пирамиды. При этом лица, руководящая этим слоем, не выдвигаются самой жизнью, а назначаются банками и другими представителями частных групповых интересов в зависимости от связей и возраста, — что представляется Зомбарту, Фриду и Шмаленбаху победой планового начала над капиталистическим духом. Еще сильнее принцип очинивания сказался в крупных предприятиях Америки, где по решению центрального союза работодателей взрослые служащие почти не принимаются со стороны, и персонал продвигается по социальной лестнице труда в зависимости от возрастного ценза. Эти структурные изменения в частнокапиталистическом предприятии облегчают внедрение государственного сектора в сектор капиталистический и тем ускоряют эволюцию капитализма. Одновременно замечается и прямое сплетение этих секторов. Так в Германии коммерциализованные предприятия проникают в частно-хозяйственные объединения, став действительными членами калийного синдиката, общества производителей стали, синдиката искусственных удобрений и даже членами европейского алюминиевого картеля. Сплетение государственного сектора с сектором капиталистическим выражается также и в сильном развитии полугосударственных смешанных обществ. В этом случае государство

¹⁾ См. Н. Bente, *Organisierte Unwirtschaftlichkeit*. Jena. 1929.

принимает участие в капитал предприятия, берет себе часть чистой прибыли, контролирует деятельность свободного правления через своих представителей в совете предприятия, облеченного в частно-правовую форму акционерной компании, и предоставляет смешанному обществу ряд налоговых привилегий.

О развитии полугосударственных предприятий, в которых государство играет роль не только собственника, но и предпринимателя, свидетельствуют германский экономист Карл Манн, Джон Кейнс и французский экономист Реймон д-Аржила. В то время, как Манн объясняет развитие смешанных обществ стремлением государства обеспечить субсидии и кредиты, предоставленные частным предприятиям, а также и нежеланием директоров государственных предприятий подчиняться строгому контролю фиска, Кейнс и отчасти Шмаленбах видят главную причину в необходимости для государства подчинить своему непосредственному контролю тем крупные предприятия, которые принуждены картелироваться из-за чрезмерного развития постоянного капитала. Во всяком случае смешанные общества, зародившиеся в начале двадцатого столетия и развившиеся отчасти благодаря Штиннесу, сумевшему создать образцовое Рейнско-Вестфальское электрическое общество, получили за последние четыре года небывалое развитие не только в Германии, но и в других странах Средней Европы.

Долгое время в экономической литературе господствовало мнение, что коммерциализованное предприятие обязано своим развитием частно-хозяйственной постановке дела; в настоящее время экспансия смешанных обществ, принципиально допускающих банкротство, показала, что между публично-правовым и коммерциализованным предприятием есть в сущности большое сходство, заключающееся в невозможности свободной ликвидации под давлением рынка и в покрытии дефицита путем налоговых поступлений. Поэтому развитие государственных частно-правовых предприятий объясняется не столько рентабельностью, сколько внедрением этатизма в капиталистический сектор, который нервно совершает для государственного сектора черную работу, разрушая своей экспансией ремесленно-крестьянский сектор народного хозяйства. Зато преимущественно

в романских странах государственный сектор непосредственно проникает в кооперативный, создавая смешанные государствен-но-кооперативные предприятия.

Разложение кооперации этатизмом приняло в северных департаментах Франции и в Бельгии столь крупные размеры, что французский экономист Лаверж пророчески о вращении капитализма в систему взаимодействующих полугосударственных кооперативов. Эта форма кооперации выражается в принудительном образовании крупных смешанных потребительских обществ. Государство дает значительный капитал, заботится об образовании запасных средств и получает лишь скромный процент на свои вложения, тогда как прибыль распределяется между членами кооперативного общества в зависимости от количества покупок. Предприятие ведется свободными кооператорами совершенно автономно и, не имея права сложить дефицит на государство, подвергается капиталистическому риску. Особое значение приобретает полугосударственная кооперация, когда государство является крупным потребителем, например, при электрификации с помощью водяной энергии.

Развитие промышленного этатизма во Франции и отчасти в Бельгии наталкивается на развитие синдикализма, который однако не останавливает, а лишь частично задерживает и видоизменяет наступательное движение государственного сектора. Относительная безвредность синдикализма для холодной социализации объясняется тем, что в настоящее время он развивается не в духе революционного синдикализма Сореля, устраивающего государство, но в духе синдикализма коллективистического по учению Жореса, заставляющего государство передавать профессиональным группам и коллективам управление государственными предприятиями, — что встречается сейчас изрядно и в Германии, правда лишь в муниципально-коммунальном секторе. Относительно безвредным для этатизма является также и гильдейский социализм в духе английского экономиста Коля, рекомендующего коллективную собственность на средства производства в интересах производителей и государства, представляющего интересы потребителей. Эта система нашла свое выражение в организации французской государ-

ственной спичечной монополии и отчасти бельгийских государственных железных дорог. При столкновении этатизма с синдикализмом государство, отказываясь не только от роли предпринимателя, но и руководителя предприятиями, довольствуется более скромной ролью кредитора-капиталиста. Случаи же, когда государство выступает лишь в качестве руководителя предприятием, т.-е. не является его пайщиком, встречаются очень редко, да и то лишь в Германии, как пережиток военного хозяйства, когда государство вмешивалось в принудительные частные синдикаты, обладая правом абсолютного вето и оставляя за собой большую часть прибыли.

В современной фазе капитализма промышленный этатизм проявляет большую агрессивность, не только пользуясь в своих интересах экспансией капитализма за счет ремесленно-крестьянского сектора, но и непосредственно проникая в капиталистический и кооперативный сектор народного хозяйства. При этом он охватывает почти все отрасли хозяйства, хотя и носит в каждой данной стране несколько индивидуальный характер. Так в Германии можно говорить об индустриальном и банковском этатизме; Эстония характеризуется горнозаводским и индустриальным этатизмом; Латвия знает главным образом государственные банки; в Югославии и Румынии этатизм носит преимущественно торговый и горнозаводский характер, в Польше — индустриальный, и т. д.

Государственный сектор, или промышленный этатизм, не составляет в системе связанного капитализма всего государственного хозяйства. На ряду с ним развивается административный протекционизм; да и финансовая политика государства настолько переплетена с общей экономической политикой и столь сильно служит целям развития производительных сил народного хозяйства, государственной конъюнктурной политикой и проведению социальных реформ, что ее невозможно не считать частью регулятивного этатизма. Кроме того при выходе капитализма на правильные пути планирования составной частью регулятивного этатизма становятся также экономической парламент и социально-экономический баланс.

Таким образом государственное хозяйство переросло рам-

ки потребительского хозяйства и состоит в современной фазе капитализма из государственного сектора и из регулятивного этатизма, выражающегося в административном протекционизме, в финансовой политике государства и в методах подлинного планирования. Перейдем теперь к рассмотрению структурных изменений в финансовой политике капиталистического государства.

Мы разделяем точку зрения известного германского экономиста Карла Манна, что финансовое хозяйство в условиях связанного капитализма превратилось из простого участия государства в народном доходе в систему государственного контроля. Эта «экономизированная» финансовая политика стала орудием государственной экономической политики. Отбирая в свою пользу значительную часть социального продукта, государство превращает себя и свои вспомогательные органы в крупного потребителя, производителя и работодателя. Для этого государству достаточно тех 20/30% народного дохода, которые оно прямо или косвенно берет в свою пользу. По немецкой статистике, каждый налогоплательщик Германии в 1929 году должен был в течение 3-4 месяцев работать на покрытие претензий государства.

Для определения структуры и величины финансового хозяйства сейчас уже недостаточно простого рассмотрения государственного бюджета, так как государство, в интересах государственного кредита и из-за боязни навлечь на себя недовольство обремененных налогоплательщиков, часто создает промежуточные инстанции, передавая им право взимать принудительные взносы. Нередко и желание избежать парламентского контроля заставляет капиталистическое государство создавать особые полудискальные учреждения в виде германских принудительных цехов, церковных общин, сельских палат и проч. Эти фискальные инстанции, вставшие между государством и населением для скрытого усиления этатизма, были удачно охарактеризованы Манном как «вспомогательный фиск».¹⁾ Путем скрытого обложения налогами государство нередко утаивает

свою финансовую мощь от иностранцев или, наоборот, повышает в глазах иностранных капиталистов свою кредитоспособность, как это было во Франции в 1926 году при создании полудиска в виде автономной амортизационной кассы, погашающей внутренней краткосрочный долг доходами от табачной монополии, наследственными пошлинами и другими принудительными взносами, выделенными из государственного бюджета.

Особый интерес приобретает вспомогательный фиск и в виду того, что он до известной степени опирается на автономный социальный бюджет, составленный из принудительных социальных повинностей в пользу больных и безработных. Этот полудиск составлял в 1929 году в Германии 37% всех налоговых поступлений. Охватив значительную часть народного дохода и создав вспомогательный фиск, государство настолько обременило налогоплательщиков, что часто бывает вынуждено давать частным перекапитализованным предприятиям субсидии и гарантию кредита — что в свою очередь нередко вынуждает государство, по фискальным соображениям, превращать попавшие в финансовую зависимость предприятия в смешанные общества. Кроме того, располагая крупными доходами, современное капиталистическое государство контролирует народное хозяйство не только как получатель, но и как распределитель народных средств. Став своего рода контрольной системой, финансовая политика превратилась в государственную конъюнктурную политику, ставящую себя грандиозное задание стабилизировать конъюнктуру манипуляцией огромных средств. Сознание большой ответственности вынуждает государство и к таким методам, как создание особой государственной комиссии для распределения государственных заказов, — что мы можем сейчас наблюдать хотя бы в Чехословакии.

В отличие от промышленного этатизма, заключающегося в расширении государственного сектора хозяйства, административный протекционизм находит свое выражение в создании системы государственных субсидий частному хозяйству, в образовании принудительных синдикатов, в системе вывозных премий и в государственном контроле внешней торговли. Оба направления этатизма нередко сталкиваются друг с другом, так

¹⁾ См. F. K. Mann, Die Staatswirtschaft unserer Zeit. Jena. 1930.

как капиталистический сектор старается отвлечь государственные средства от общественных предприятий в свои собственные предприятия, нуждающиеся в государственных субсидиях. Однако оба направления сливаются в бюджет, если это понятие распространить также и на счетоводство вспомогательного фиска.

Система государственных субсидий получила в странах средней и восточной Европы небывалое развитие. С половины 1931 года германское государство превратилось в опекуна и гаранта крупнейших предприятий, беря на себя их коммерческий риск; в Латвии и Эстонии субсидии сельскому хозяйству составляют большой процент государственного актива; в частности в 1930 году в Эстонии займы частных предприятий у государства достигли 8% всего актива. В Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии государство широко субсидирует промышленность и разделяет ее коммерческий риск. Развитие системы субсидий приводит к целому ряду сложных форм административного протекционизма, как система экспортных премий в Польше и Чехословакии, или создание принудительных синдикатов в Румынии.

Повсеместное стремление к самодовлеющему хозяйству и к активизации торгового баланса вынуждает капиталистическое государство переходить к системе государственного контроля над внешней торговлей и в частности к строгой регламентации купли и продажи валюты. Наибольшее вмешательство государства во внешнюю торговлю замечается в настоящее время в Эстонии, Латвии и Югославии. Так, например, в Эстонии государство запрещает покупать в этих странах, торговля с которыми носит пассивный характер; монополизировать в своих руках импорт табака и ржи; запрещает импортерам свободно расплачиваться со своими иностранными поставщиками; подчиняет весь внешнеторговый оборот валютному контролю со стороны государственного банка и широко контингентировать импорт, часто применяя систему натурального обмена. Развитие административного протекционизма настолько подчинило капиталистический сектор государству, что смягчение этатизма в странах средней и восточной Европы могло бы привести к кра-

ху крупнейших предприятий и к разстройству всей капиталистической системы.

В современной фазе капитализма наблюдается чрезвычайно сложное смешение капиталистического и этатического начала. Отсюда вытекает большая трудность при попытке научно охарактеризовать современную фазу капитализма. При эволюции хозяйственного строя образуется целый ряд экономических явлений, ответственность за которые не хочет взять на себя государство и отказывается взять капиталистический сектор. Поэтому не удивительно, если социалисты говорят о росте капиталистической эксплуатации, а капиталисты жалуются на бюрократизацию хозяйства. Положение осложняется неверным анализом существующего строя. Марксисты и советские экономисты рассматривают современную фазу капитализма, как систему частно-хозяйственных монополий. Это определение не выдерживает научной критики; ведь, связанный капитализм знает, кроме гетерогенности частно-хозяйственных групп, еще и торжество этатического начала. Явно несостоятельным является также другое утверждение, что существующий строй представляет собой смешение частного капитализма с капитализмом государственным. Если бы эволюция капитализма состояла только в расширении государственного сектора, то и тогда нельзя было бы серьезно говорить о государственном капитализме, так как промышленный этатизм еще не может обойтись без большого числа публично-правовых предприятий. В действительности же перерождение капитализма ведет к небывалому развитию регулятивного этатизма, который по своему существу прямо противоположен всякому капиталистическому началу.

Мы полагаем, что эволюция капитализма в сторону связанного хозяйства заключается в постепенном отказе от экономической эксплуатации и в диалектическом слиянии экономического либерализма с универсализмом. Чем больше связанный характер будет принимать капитализм, тем больше будет он напоминать принцип христианского средневековья: жизнь, как иерархия сообщностей, как *communitas communitatum*.

Б. Ижболдин.

Идеи и жизнь

ПИСЬМО РЕДАКЦИИ

Задолго до наших революций, когда еще и самого выражения «ударные темпы» не было, задолго еще до того, как в России сложилась своеобразная категория «отцов и детей», задолго до этого, в условиях жизни спокойной и нормальной, великий поэт наш выражал сожаление о «несчастном друге», который остался среди новых поколений докучным гостем, и лишним и чужим. Я вспоминаю об этом, чтобы пояснить Вам, почему не считаю себя в праве пригласить на участие в строительстве «Нового Града». Но Вы не отрицаете исторического преемства, и самое искание нового града есть проявление того святого беззаботства, которое составляло самую плынительную черту русской интеллигенции, и с ч е з н у в ш е й, к а к В ы правильно отмечаете, без остатка и, прибавлю, н а в с е г д а. Если же Вы не отрицаете преемства, то, быть может, Вам окажут хоть и малое содействие в Ваших исканиях несколько ума холодных наблюдений и сердца горестных (подлинно-горестных) замѣт, которым и мнѣ, глубоко сочувствующему Вашим исканиям, хочется с Вами подѣлиться.

Прежде всего об этом самом преемствѣ. Революция его принципиально и значебно отрицает, она строит новый мир. Вы цитируете, например, Устрялова, который захлебывается от восторга перед н е б ы в а л о й перестройкой, перед переплавкой самого человека, перед вселенским замыслом. Создастся впечатлѣние, что Россия не только вступает в новый период своей истории, но становится на какой-то другой, доселѣ чуждый ей путь.

Так ли это? По Вашему—не так. Дѣйствительно, строительство «социализма в одной странѣ» свелось к пятилѣткѣ, т.-е. к спѣшной, ударной индустриализации России. Но на этом пути, как правильно Вами указано, страна уже раньше, до войны, стояла, и индустриализация шла достаточно быстро и до революций, встрѣчая — прибавлю — постоянно препятствія, органическія препятствія, таившіяся в самодержавном режимѣ. С падением самодержавія препятствія исчезли, и тѣм самым расчищен был путь для нормального развития. Но совѣтская власть бѣшено торопится, берет ударные темпы, словно боится, что иначе ей не удастся разрѣшить эту задачу. Мнѣ вспоминается бе-

сѣда с г-р. Витте, когда в декабрѣ 1904 года ему поручено было осуществление Указа «о мѣропріятіях к усовершенствованію государственнаго порядка». Я спрашивал, не опасается ли он, что и эта задача так же преждевременно будет сорвана, как раньше учрежденіе сельско-хозяйственных комитетов, на что он со злобным раздраженіем отвѣтил мнѣ: «Ну, нѣтъ! Второй раз меня не подведут. Я сразу так им законопачу, что назад поворачивать уже не придется». Вот так и совѣтская власть торопится «законопатить», опасаясь, чтобы у нея не вырвали возможности завершить индустриализацию, поставленную на ноги именно при Витте. Чтобы добиться этого, совѣтская власть не останавливается ни перед какими жертвами и средствами и твердо стоит на том, что не суббота для человека, а человек для субботы, и строит промышленность страшным террором.

А между тѣм, если бы революция не было, индустриализация все же шла бы неуклонно, и через нѣсколько десятков лѣтъ получились бы тѣ именно результаты, которых совѣтская власть стремится добиться в короткій срок пятилѣток. Если, например, сравнить состояніе России наканунѣ освобожденія крестьян с эпохой наканунѣ великой войны, то во всяком случаѣ с неменьшим основаніем можно сказать, что за полвѣка произошла «н е б ы в а л а я п е р е с т р о й к а» страны, переплавка самого человека». Достаточно прочесть, например, художественныя воспоминанія барона Врангеля, родившагося в сороковых годах прошлаго столѣтія и умершаго уже послѣ революціи, чтобы это стало образно ясным и безспорным.

Если же так, то сущность революціи вовсе не в том, что она сворачивает Россию на какой-то другой путь, а, напротив, что по старому историческому пути она заставляет идти под угрозой разстрѣлов у д а р н ы м и т е м л а м и, как во время послѣдней войны заставляли изнемогающих солдат идти вперед на врага. В ударных темпах и заключается существенная особенность «социалистическаго строительства», от этой особенности — от ней всѣ качества.

Такое строительство, независимо от того, удастся ли пятилѣтка, Вы квалифицируете, как преступленіе. Можно было бы еще прибавить, здѣсь это было бы весьма умѣстно, — «небывалое» преступленіе. Но нельзя не согласиться и с другим Вашим утвержденіем, что исторія простит большевикам злодѣянія, — даже если пятилѣтка и не удастся. Развѣ не характерно, что со времени революціи вниманіе русских историков вновь было приковано к личности Грознаго и, по мнѣнію Виллера (если не ошибаюсь), Иван IV вошел бы в исторію с эпитетом «Великій», если бы он умер до второй половины своего царствованія, когда ему счастье измѣнилось.

Но именно поэтому не думаете ли Вы, что задача современников должна заключаться в том, чтобы предотвратить равнодушіе исторіи к человѣческим гекатомбам, чтобы отвлечь ее интерес к ви-

димости и заставить задуматься над страшной цѣной, которая за эту видимость заплачена. Мнѣ сдается, что всѣ или почти всѣ возраженія, которая встрѣтил «Новый Град», вызваны не столько недоразумѣніями, как Вы полагаете, а опасеніями, что в нѣкоторых Ваших высказываніях исторія тоже найдет материал для оправданія преступленія. Вы, напримѣр, обрушиваетесь на зарубежную прессу, которая в теченіе долгих лѣт сообщала о СССР «фантастическій бред» и заставляла западнаго читателя обратиться за информацией к совѣтским источникам. Но Вы не оговариваетесь, что в первые годы совѣтская власть отгородилась китайской стѣной и лишила всякой возможности проверять получаемыя свѣдѣнія. А с другой стороны, развѣ Вы сомнѣваетесь, что кремлевская дѣйствительность, о которой станет известно много лѣт спустя, превосходит всякій бред? И развѣ западный читатель обратился к большевистским источникам потому, что перестал довѣрять зарубежному освѣдомленію, а не потому, что ему приспичило торговать? — Или, напримѣр, Вы утверждаете «прочность совѣтской системы», между тѣм как вопрос о продолжительности ея существованія отнюдь не сливается с вопросом о прочности. Террор и прочная система не совместимы, и важнѣе было бы выяснитъ, почему, несмотря на непрочность, система эта так долго держится. Но Вы прибавляете, что система опирается на милліоны кадры слѣпо вѣрящих в свое ученіе людей, хотя никакого «ученія» уже больше не существует, и партія разложилась до того, что принцип равенства объявлен мелко-буржуазным уклоном, а сдѣлщина — социалистической основой. Вы говорите о производственнотехнических успѣхах СССР, игнорируя то, что совершается «за кулисами пятилѣтки», и о чем между прочим так вразумительно рассказал г. Юрьевскій на страницах журнала «Современныя Записки» на основаніи исключительно большевистских источников. Безо всякой нужды Вы прибѣгаете и к эзоповскому языку, утверждая, напримѣр, что исторія вырыла глубокой ров между двумя Россіями, — не считаясь с тѣм, что в такія слова можно вложить самое разнообразное содержаніе, но непременно отрицательное по отношенію к эмиграціи и почтительное — к совѣтскому режиму.

Эти высказыванія, возбуждающія у читателя настороженностъ, тѣм болѣе досадны, что они вовсе не нужны для опредѣленія Вашей позиціи, без них она была бы болѣе четкой. Мнѣ кажется, что, поскольку здѣсь нѣтъ безсознательнаго преклоненія перед видимостью и стремленія отгородиться от живописцев, имѣющих в своем распоряженіи лишь одну черную краску, — постольку эти высказыванія объясняются недооцѣнкой значенія ударных темпов для характеристики сущности революціи.

Ибо ударные темпы это не только страшное преступленіе, но и безмѣрная глупостъ, уродливая нелѣпностъ, которая неумолимо

отомщает себя карикатурным искаженіем результатов, к которым ударные темпы стремятся. Основа пятилѣтки — плановостъ, для которой создано особое центральное учрежденіе (Госплан) — превращена в невѣроятный хаос, в зияющій разрыв не только между отдельными частями народнаго хозяйства, но и между тѣсно связанными отраслями промышленности и даже в рамках отдельных крупных «комбинатов». На только что состоявшейся конференціи Украинской Компартіи Молотов и Косиор открыто признали вину за разрыв между сельским хозяйством и промышленностью; на удивленіе всему міру построили Днѣпрострой, не имѣя объектов для использования его электрической энергіи; чугуна вырабатывается гораздо меньше против плана, но и его слишком много для переработки в мартенах на сталь; построенные по послѣднему слову техники автотракторные заводы выпускают требуемое количество машин, не могущих быть, однако, пущенными в работу за отсутствіем важнѣйших частей. Здѣсь не мѣсто подробнѣе на этом останавливаться; но я приведу один примѣр, показывающій, как всеильна эта особенностъ плановаго строительства. Недавно под редакціей отвѣтственнаго коммуниста Мотылева выпущен был в свѣтъ партійный учебник, который снабжен примѣчаніем редактора о том, что «учебник сдан был в набор в неполном видѣ, отсутствуют цѣлыя части глав, которая предполагалось сдать в період правки гранок», но сдѣлать этого не удалось, и учебник так и был выпущен в оборот в неполном видѣ.

Этот поистинѣ «ударный» примѣр подводит к другому центральному вопросу о «переплавкѣ» самого человѣка, о психологических сдвигах, представляемых обычно, как нѣчто небывалое, грандіозное. В Берлинѣ недавно появилась книга «Die Jugend in Sowjet-Russland». Автор ее К. Мэнерт, родившійся и прожившій в Россіи до войны, имѣющій обширныя дружескія связи среди комсомола, немѣрному восхваляющій необычайную напористостъ (Stosskraft) молодежи, заканчивает свое восторженное описаніе совѣм казалось бы незначущим эпизодом. Однажды в Москвѣ он увидѣл Большой Театр, весь украшенным сверху до низу красными флагами, плакатами и полотнищами. Он вынул фотографическій аппарат, чтобы сдѣлать снимок, и в этот момент к нему подбѣжала молодая дѣвушка с красной повязкой на головѣ и, повидимому, узнав в нем иностранца, обратилась с вопросом: неправда ли, как красиво мы убрали театр? — на что автор отвѣтил, что вчера без этих украшеній зданіе производило гораздо болѣе импозантное впечатленіе. Комсомолка смутилась от неожиданности, а затѣм сказала: «Как нехорошо с твоей стороны, что ты мнѣ так отвѣтил. Сколько лѣт это украшеніе казалось мнѣ прекрасным, а теперь, чорт возьми, я и сама вижу, что ты прав».

Этот случайный эпизод наводит автора на скептическія размышле-

нія о «переплавкѣ человѣка»: «Говоря о необычайной напористости молодежи, я не могу освободиться от впечатлѣнія, что перед нами какое-то грандіозное массовое внушеніе, что это — состояніе сомнамбулизма, которое может разрешиться пробужденіем». Не буду ссылаться на личные наблюденія над прѣѣзжающей за границу советской молодежью, наблюденія, превращающія сомнѣнія автора в глубокую увѣренность. Но развѣ и ригорі не ясно, что иначе и быть не может, даже и независимо от того, что партія, в теченіе ряда лѣтъ раздираемая правой, лѣвой и право-лѣвацкой оппозиціей, находится в состояніи полного разложенія, которое наиболее чувствительно должно было отразиться на молодежи. Нынѣшняя необычайная ударность, ея ничега общаго не имѣет с былым энтузіазмом первых лѣтъ революціи, а представляется озорством. Вы правильно указываете, что для созданія новаго міросозерцанія, для возвращенія новаго человѣка нужна долгая кропотливая работа, а не незаконченные партійные учебники, и, может быть, гораздо болѣе прочные сдвиги успѣли произойти со времени войны в Европѣ среди молодежи.

Есть, однако, одна черта, явившаяся именно результатом «долгой и кропотливой работы» и составляющая главную особенность новой русской молодежи: партія не дает ей ни отдыха, ни срока, перабрасывает ее с одной ударной кампаніи на другую, перенагружает общественной работой, сущность которой непрерывно мѣняется соотвѣтственно причудливым зигзагам генеральной линіи и таким образом постоянно колеблет почву под ногами. Отсюда душевная усталость, вызывающая жажду уюта и покоя, неудержимую потребность в нормальной жизненной обстановкѣ, короче говоря, тяготѣніе к тому, что прежде называлось мѣщанством и вызывало, как Вы отмѣчаете, издѣвательство русской публицистики. Побѣдоносное шествіе мѣщанства нѣсколько лѣтъ назад составляло самую злободневную тему художественной литературы и, если тема эта сошла со сцены, то вовсе не потому, что проблема была благополучно разрешена. А на днях, мѣсяц спустя послѣ комсомольской конференціи, советскія газеты неожиданно сочли нужным вспомнить и подчеркнуть, что генеральный секретарь комсомола Косарев явился в засѣданіе конференціи в отлично сшитом костюмѣ и в бѣлоснѣжном крахмальном вортничкѣ с галстуком.

Можно поэтому сильно сомнѣваться по отношенію к Россіи, что, как Вы полагаете, «дѣло сегодня именно в исканіях, в творчествѣ». Напротив, скорѣе можно утверждать, что и рост религіозности, против котораго так возстает «Безбожник», объясняется не исканіями правды на землѣ, а жаждой тихой пристани, тяготѣніем к «безмятежю, наследственно бытовой, традиціонной религіозности», хотя бы и в новых пролетаризованных формах, о которых сообщает г. Лаговскій в своей превосходной статьѣ в «Новом Градѣ».

Ударные темпы компенсируются долгим и прочным застоем, для их основанія потребуются десятки лѣтъ, тѣ же самые десятки лѣтъ, в теченіе которых при нормальном ходѣ произошла бы «небывалая перестройка страны, переплавка самого человѣка». В этом нѣтъ какой-либо особенности русской революціи. Развѣ не поразительно, что во Франціи недавно праздновалось 125-лѣтіе Наполеонова кодекса, между тѣм как не только в Швейцаріи, но и в императорской Германіи и Австріи за это время созданы были кодексы на новых социальних осювах, и даже в самодержавной Россіи еще до Государственной Думы урегулировано было положеніе вѣнѣбрачных дѣтей, а в демократической Франціи незыблемо стоит правило, запрещающее разсыканіе отцовства, лишающее замужнюю женщину гражданской дѣеспособности и т. п.

Перспектива долголѣтняго застоя весьма мало, конечно, улыбается людям святого безпокойства, грозя превратить рыцарей исканій и творчества в доп-Кихотов или, еще хуже, в гоголевскаго Кочкарева. Вы помните замѣчательную сцену в «Женитѣбѣ», когда Кочкарев, узнав, что Подколесин сбѣжал от невѣсты домой, сначала ругает себя, что впутался в чужое дѣло, но затѣм, представляя себѣ, как Подколесин сидит вполнѣ довольный дома, рѣшает, во что бы то ни стало, заставить его жениться. В концѣ концов, вопрос, вѣдь, сводится к тому, будет ли новое поколѣніе чувствовать себя в обстановкѣ застойнаго уюта и покоя счастливым и довольным. Если, как Вы правильно говорите, творческій замысел о человѣкѣ завтрашняго дня ставивится основной задачей всякаго вновь слагающагося политическаго теченія, то этот вопрос должен быть поставлен в центр вниманія во избѣжаніе разрыва творческаго замысла с дѣйствительностью, какой случился у коммунистов, заставив их прибѣгнуть к ударным темпам.

Потребность в новом градѣ несомнѣнно очень велика. Об этом свидѣтельствуют многочисленныя попытки его ютысканія, к сожалѣнію, неизмѣнно кончавшіяся неудачей. Каждая неудача оставляет в душѣ эмиграціи тяжелый слѣд, и потому каждая новая попытка является еще болѣе отвѣтственной. Тѣм искреннѣе и сердечнѣе я желаю Вам удачи в Ваших исканіях, и мнѣ кажется, что она вполнѣ возможна, так как Вы нащупали правильный путь.

I. Гессен.

ОТВѢТЪ І. В. ГЕССЕНУ

Мнимость новгородскаго пробольшевизма. Национальный характер ударных темпов. Отцы, дѣти и внуки «октября»

Письмо І. В. Гессена в редакцію «Новаго Града» весьма выгодно отличается от большинства тѣх писаній, которыми маститые представители дореволюціоннаго эмигрантскаго сознанія с мѣста же атаковали наш миролюбивый журнал.

Принося нашему благожелательному критику искреннюю благодарность за его раздумье над нашими исканіями, мы позволим себѣ не отвѣчать по пунктам на его недоумѣнія, а лишь еще раз сформулируем нашу точку зрѣнія на выдвинутые им вопросы. Такая форма отвѣта представляется нам уже по одному тому наиболее правильной, что никаких принципиальных разногласій между нами в сущности нѣтъ: І. В. Гессен и сам, вѣдь, пишет, что мы нащупали правильный путь. Разница между нами и нашим критиком — а таковая, конечно, имѣется — заключается, как мнѣ кажется, лишь в том, что, видя — и правильно видя — тяжелыя препятствія на нашем пути, І. В. Гессен как-то не рѣшается идти по нему, мы же рѣшаемся; но не потому, что не видим препятствій, а потому, что твердо вѣрим: никаких иных путей, кромѣ наших, — нѣтъ.

І. В. Гессену сдается, что «почти всѣ возраженія, которыя встрѣтил «Новый Град», вызваны не столько недоразумѣніями, сколько опасеніями, что в нѣкоторых наших (новгородских) высказываніях «исторія найдет матеріал для оправданія (большевицкаго) преступленія». Мысль эта бьет в самую существенную точку нашей внутренней тяжбы с дореволюціонным сознаніем эмигрантскаго антибольшевизма, который упорно пытается навязать нам бальмонтовскую формулу: «Мир должен быть оправдан весь, чтоб можно было жить». О том, что мы этой формулы никак не исповѣдуем, говорить не приходится. Лично я, как дятел, во всѣх своих писаніях выстукивал как раз обратное. Все время твердил, что мы, живые свидѣтели мировой революціи, должны сдѣлать все от нас зависящее, чтобы помѣшать тому затягиванію раны, тому превращенію безумія революціи в разум эволюціи, исторической вины в историческую неизбѣжность и крови — в революціонный колорит, над которым дружно работают время, готовое все простить, и разум, готовый все осмыслить.

В этом пунктѣ, в невозможности все оправдать, все положительно осмыслить и принять, коренится самый глубокий пункт нашего расхожденія со всяким смѣловѣховством и прежде всего с родственным нам во многом Евразійством. Как раз в послѣднем номерѣ «Но-

ваго Града» Г. Федотов пишет в своем отвѣтѣ Устрялову, что для новгородцев слѣпое преклоненіе перед «огромным», «страшным» и стихійно-величественным процессом исторіи не приемлемо, что в этом преклоненіи сказывается не столько христіанскій, сколько гегельянскій дух Евразійства. Насколько вѣрно это мимолетное замѣчаніе, косвенным образом подтверждается тѣм, что евразійскій анализ большевизма и евразійское отношеніе к совѣтской власти близки к марксистским, а тѣм самым и гегельянским позиціям русских социал-демократов. И евразійцы, и социал-демократы одинаково боятся, как бы человѣчскій «спронзволъ» не спугнул историческаго развитія Россіи.

Новгородству, представляющему собою нѣкое возрожденіе славянофильски-народнической тенденціи, общая социал-демократам и евразійцам (этим православным марксистам) вѣра в разумность всего дѣйствительнаго так же чужда, как и общая обоим теченіям склонность принимать великія революціонныя событія за подлинно-реальное, духовное бытіе. Эта чуждость является, как мнѣ кажется, залогом того, что никакого матеріала для оправданія преступленія исторіи наши высказыванія собой не представляют.

Но если дѣло обстоит так благополучно, то почему же мы не в силах это внушить даже столь благожелательным к нам критикам, как І. В. Гессен? Почему и ему сдается, что мы, быть-может, и помимо своей воли, играем роль защитников большевиков перед судом исторіи?

Думается, что корень недоразумѣнія заключается в слѣдующем. Да, мы непримиримые враги большевизма, но большевизм представляется нам не извнѣ привнесенным ядом закапсулированно хранящимся в коммунистической партіи, а нутряной національной стихіей, издавна волновавшей русскія сердца. За разнузданіе этой стихіи в отвѣтѣ, конечно, большевики, и о за большевиков в отвѣтѣ всѣ: в отвѣтѣ и каждый борющійся против них русскій человѣкъ. Никакого примиренія с большевиками и с большевизмом эта точка зрѣнія в себѣ не таит. Наоборот, она лишь углубляет непримиримость, ибо многое, что можно простить другому и в особенности чужому, себѣ самому простить нельзя. И еще одно важно: только таким углубленным пониманіем большевизма не как внѣшней бѣды (землетрясеніе, мор и глад), а как внутренней вины Россіи перед самой собою, возможно принципиальное отмежеваніе от его глубочайшей сущности. Все нравственное убожество большевики-революціоннаго міросозерцанія и вытекающей из него тактики заключается в том, что большевицкій марксизм не знает понятія с в о е й в и н ы, что у него виноват всегда другой: буржуй, имперіалист, соглашатель, капиталист и т. д. В этом связанном с марксистской идеологіей пролетарском фарисействѣ большевиков коренится основная причина их творческой немощи во всѣх сферах духовной культуры. Выход к твор-

ческому антибольшевизму, — не к механической революции против него, а к положительному завершению всего процесса русской революции, — возможен поэтому только через принятие на себя нравственной ответственности за него. Это должно было бы быть особенно ясно для всех национально настроенных людей и групп, ибо национализм, особенно всякий духовно-религиозный национализм, не может нацию мыслить иначе, как живую и единую личность; личность же не делится на невинных и виновных. Пока эти аксиомы не будут усвоены антибольшевицким сознанием, пока не разсыются в прах военно-хирургическая иллюзия реакционного национализма, представляющего себя, что большевизм можно ампутировать, как гангренозную голову С.С.С.Р., до тех пор дух большевизма будет нерушимо царствовать в России, даже и в том случае, если бы власть Третьяго Интернационала перешла в руки националистического фашизма.

Запретить кому бы то ни было считать такую точку зрения на большевизм оправданием большевицкого преступления перед лицом истории — нельзя. На поверхностный взгляд, привыкший оправдывать все, имеющее причинное основание, она и впрямь может показаться примиренческой. Раз большевизм органически вытекает из самой сердцевины России, то в чем же вина большевиков? Нельзя же на самом деле винить выросшее на дикой яблонь яблоко за то, что оно горькое! Яблоко винить, конечно, нельзя, нельзя винить и яблоню; нельзя потому, что понятие вины к явлениям природы вообще неприменимо. Но не применимо к явлениям природы оно не применимо в сфере духовной жизни. В отличие от плодового дерева, древо жизни отвечает за свои плоды, и его плоды отвечают за его корни. Вся вина большевиков в том, что они вобрали в себя весь тайный злød России, и вся вина России в том, что в ней нашлось достаточно ядов, чтобы вызвать к жизни большевизм и на долго передать ему власть над собою.

Тем, кому все эти «умствования» кажутся ненужно-сложными и к жизни не применимыми, я предлагаю задуматься над тем, сколько зла и глупости внесли — а особенно за последние годы войны и революций — в политическую жизнь России и Европы так называемая «реальная», «жизненная», — на плакатный манер упрощенная мысль. Не даром гласит пословица: «Простота хуже воровства».

И. В. Гессеку кажется, что мы недостаточно остро видим зло «ударных темпов» большевицкого строительства и нелюбость стремления во что бы то ни стало «догнать и перегнать» Америку. Думаю, что в отношении этого пункта можно было бы легко показать, что, отставая паличие в советском строительстве (в особенности в комсомольских рядах) подлинного пафоса и значительного технического успеха, мы никогда не преувеличивали объективного смысла удар-

ных темпов. Что в утопизме ударничества кроется нерв революционного безумия, не подлежит, и по нашему мнению, ни малейшему сомнению. Тут мы с И. В. Гессеком вполне согласны. Но, будь, и эти «ударные темпы» не с большевиков завелись в России, да и мысль «обогащать Америку» уже не так нова на русской почве. Ведь, еще Гоголь восклицал: «какой же русский не любит быстрой езды!», и еще Лесковский Лёвшин с таким подлинно русским искусством подковала стальную блоху... что она перестала прыгать. Все очень старые темы и не только для искусства, но и для русской общественной мысли. Начиная с Герцена собирались мы зайти в тыл капитализму и, обскочив Европу, первыми войти в царство социализма. Начиная со славянофилов, не переставали поносить право, как «могила привды». Вся героическая история русской интеллигенции проводилась в «ударных темпах». Многие заветные русские мысли были лихо задуманы, «мозгами на бекрень». Русская литература вся полна описаниями чудачков — одних помешков англоманов, разорившихся на европейских нововведениях, цѣлая галерея. Смѣшно сказать, даже Горький, этот типичный представитель рационалистического просвѣщенства, и тот не без пафоса возмущал: «чудаки — украшение земли». Можно ли послѣ всего этого особенно удивляться «ударным темпам»? Не ясно ли, что, противоестественно сочетавшись со все упрощающим, да еще и упрощенно понятым марксизмом (тема упрощения и опрощения тоже не чужда России, — один Толстой чего стоит), эта страстная, нетерпѣливая, самовольная русская жажда «сгоряча ругнуть» старый и «сплеча рубнуть» новый мѣр, должна была в концѣ концов застыть над голодной Россіей желѣзо-бетонной заумью пятилѣтняго плана.

Того, «что дѣлается за кулисами пятилѣтки», мы не игнорируем, мы только ищем болѣе глубоких корней этой страшной закулисниости. Мы увѣрены, что дѣло тут не только в «преступности и глупости» большевиков, но в гораздо болѣе сложной и глубокой темѣ, в которую, на ряду с уже отмѣченными мною моментами русского сознания, с самого начала входил и все еще входит не только пролетарскій, но и мужицкій пафос новаго жизнестроительства. Живя первые годы революции в Россіи, нельзя было не ощущать, что сквозь весь ея смрад и угар красною питью проходила общенародная мечта все поставить на свои мѣста и зажечь настоящей справедливой жизнью. Об этом пафосѣ и его комсомольском преломлении и говорил Бунаков в Парижѣ. Без этого пафоса не построившая новой жизни Россія не смогла бы ни себя сжечь, ни поджечь остального мѣра. Что психологическая подлинность этого пафоса нисколько не гарантирует практической осмысленности и хозяйственной цѣлесообразности большевицкого строительства, ясно, и мы этого никогда не отрицали. Будь пафос и положительное творчество одно и то же,

мы не призывали бы к борьбѣ с большевиками, а просто на просто смѣнили бы вѣхи. Мы же зовем и зовем с совершенно недвусмысленной опредѣленностью на упорную борьбу против утопически-безпредметнаго и потому, несмотря на весь свой техническій титанизм, в сущности немощнаго духа большевицкаго строительства.

О политически-объективном смыслѣ нашего дѣла возможны и неизбежны споры. В принципѣ мы и сами всегда готовы допустить, что, быть может, частично заблуждаемся в нашем анализѣ большевизма и в дѣйственности предлагаемых нами способов борьбы с ним. Мы, право, ни в какой мѣрѣ и степени не доктринеры и скорѣе страдаем чремерно тонким слухом, чѣм глухотой; но в одном направленіи мы, дѣйствительно, лишены всякаго дара сомнѣній. Мы абсолютно не сомнѣваемся в том, что психологически нас отличает от наших противников справа не болѣе примиренческое отношеніе к большевикам, а другое пониманіе большевизма. Невѣрность всѣх антибольшевических идеологій, на которых до сих пор строилась борьба против большевиков, заключалась, во-первых, в отсутствіи чувства отвѣтственности за большевизм, а, во-вторых, в глухотѣ по отношенію к той творческой страстности, с которой русскій народ впрягся в коммунистическое дѣло.

Этими ошибками объясняется и то, почему эмиграція проиграла тяжбу с большевиками перед судом общественнаго мнѣнія Европы. Даже в упреках І. В. Гессена «Новому Граду» звучат отголоски ложных эмигрантских нападок на большевиков и ложной самозащиты эмиграціи. Соглашаясь, что эмиграція сообщала много ложных слухов о большевицкой Россіи, І. В. Гессен ссылается на китайскую стѣну, которой окружил себя Кремль, лишив эмиграцію возможности провѣрять доходившіе до нея из Россіи слухи. Провѣрять слухи было, конечно, трудно, но было очень легко не печатать непровѣренных. Соглашаясь с нами, что Европа обратилась за свѣдѣніями к большевикам и стала спиной к эмигрантской литературѣ, І. В. Гессен объясняет это тѣм, что Европѣ «приспичило торговать». Торговать с большевиками Европѣ, дѣйствительно, приспичило, но, вѣдь, ни Ромэн Роллан, ни Бернад Шоу, ни Андрэ Жид, ни художник Фогелер — не торговцы. Рѣчь же идет, в первую очередь, о них, о той передовой и культурной Европѣ, которой мы не сумѣли раскрыть лица большевизма, которую не сумѣли предостеречь от большевицкаго соблазна. И не сумѣли прежде всего потому, что за немногими исключениями, занимались не раскрытіем страшнаго смысла большевизма, а его, — зачастую весьма мелочным, — обезсмысливаніем. В интерпретаціи большевизма не как провинціальной русской «безграмотности», а как провиденціального зла, глубоко связаннаго с судьбами современнаго міра, с его просвѣщенским безбожіем, пустогрудым либе-

рализмом и капиталистическою жадностью, кроется весь пафос новоградскаго исканія, устремленнаго на встрѣчу религіозному, свободвѣрческому социализму.

Из всѣх мыслей, высказанных І. В. Гессеном, болѣе тревожной представляется мнѣ мысль, не оказаться бы новоградцам такими же утолистами, дон-Кихотами и гоголевскими «Кочкаревыми», какими в концѣ концов оказались большевики, не сумѣвшие слить своих «творческих замыслов» с дѣйствительностью и сисяшіеся скрыть эту неудачу насильничеством своих «ударных темпов». Размышленія І. В. Гессена на эту тему весьма убѣдительны. Не подлежит сомнѣнію, что в Россіи все больше и больше развивается «душевная усталость, вызывающая жажду уюта и покоя, неудержимую потребность в нормальной жизненной обстановкѣ, тяготѣніе к тому, что прежде называлось мѣщанством. Нести в такую атмосферу проповѣдь «исканія и творчества» требует, конечно, очень большой смѣлости, и я вполне понимаю всѣ опасенія І. В. Гессена и прежде всего его соображенія о том, что рост религіозности в Россіи представляет собою скорѣе жажду «тихой пристани», чѣм «исканія правды на землѣ». И все же я думаю, что І. В. Гессен должен бы согласиться, что сдаваться на милость исторической діалектики нам в отношеніи будущей Россіи так же не слѣд, как не слѣд, по его же мнѣнію, принимать большевизм лишь на том основаніи, что логика событій оказалась на его сторонѣ. Конечно, «творческій замысел о чловѣкѣ завтрашняго дня», в котором и І. В. Гессен видит насущную задачу «всякаго вновь слагающагося политическаго теченія», не может быть безответственною отвлеченною выдумкою. Конечно, он должен быть связан с тѣми силами, что идут на смѣну уходящим. Но из этого никак не слѣдует ни права, ни необходимости без разбора ставить на всѣ новыя силы и прежде всего на тѣ новыя злыя силы, что, всегда находясь в большинствѣ, всегда обѣщают всякому новому замыслу самый быстрый успѣх. Готовность итти — все равно с кѣм, хотя бы с самим чертом, лишь бы как можно скорѣе вперед к своей цѣли — типично большевицкая и, нам думается, окончательно скомпрометированная тактика. Новоградству она не только чужда, она ему враждебна. То, что многіе принимают в нас за отсутствіе воли к борьбѣ, есть не что иное, как невозможность для нас ставки на поверхностные продукты большевицкаго разложенія. Нам совершенно ясно, что ни безыдейный мѣщанин, ни комсомолец никогда не смогут стать благодарной почвой для распространенія наших идей и устремленій. Наша надежда не на завтрашній элементарный антибольшевизм, а на тот духовный корень Россіи, который, рано или поздно, должен зацвѣсти сложным цвѣтом синтетической русской культуры. Наша — по крайней мѣрѣ, наша нынѣшняя задача — не в провоцированіи

быстрых цвѣтѣній во что бы то ни стало, а в береженіи ростков; скорѣе во возвращеніи духовно взрывчатой катакомбной культуры, чѣм в ударной организациі узко-политическаго революціоннаго подполья.

Что распад большевицкой диктатуры будет сопровождаться ростом такого узко-политическаго подполья, не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію. Наша задача должна потому заключаться не столько в пробужденіи слѣпой массовой ненависти к большевикам (эта ненависть уже давно проснулась) сколько в ея возвышеніи, — по крайней мѣрѣ, в отдѣльных людях, — до зрячей и творческой вѣры в истину Новаго Града. Самой важной заботой эмиграціи должна быть забота о том, как бы слагающіеся в Россіи и эмиграціи политическій антибольшевизм не остался психологически все тѣм же большевизмом или не превратился в него в процессъ борьбы. Самая главная работа эмиграціи — должна быть работой над внутренним раз-большевиченіем всѣх поднимающихся против большевизма сил, т. е. уничтоженіем большевизма в корнѣ, а не только в его коммунистическом обличьи. Этою задачею и опредѣляется новоградскій замысел «о человѣкѣ завтрашняго дня».

Россія далека. Как ни изоцрѣй своего взора, как ни напрягай слуха — облик ея остается смутен, и размышленія о ней гадательны. Извѣстныя слова Тютчева: «умом Россіи не понять, в Россію можно только вѣрить», звучат в наши дни не призывом к какому-то высшему мистическому познанию, а простою кантуляціей перед фактом нашего эмигрантскаго бытія. Скорбным утѣшеніем нам служит впрочем то, что Россія ни о чѣм и сама себя не знает. Самопознание требует свободнаго творчества и нравственнаго мужества. Ни того, ни другого в Совѣтской Россіи нѣтъ. Самое потрясающее своею точностью, что довелось слышать от пріѣзжаго из Россіи, была фраза: «Страшно, что, смотрясь в сумерки в зеркало, иной раз не знаешь — кто предатель — ты, или он...».

Все это так. И все же, всматриваясь в повисающее над Россіей марево, как будто различаешь три основных типа совѣтских людей, частично же, быть может, и три слоя чувств в наиболѣе сложном совѣтском человѣкѣ.

Уходят из жизни старые большевики: «блудные сыны» (Бунаков) свободолюбиваго интеллигентскаго ордена. С ними вмѣстѣ исчезают из сознанія ближайших наслѣдников «старомодные» идеалы свободы, равенства, пацифизма, прогресса, «на товарищескій» лад, «рыцарскаго» отношенія к женщинѣ, идеи жертвы, подвига и многое другое; одним словом, вся система социалистически-гуманистических цѣлей революціи.

Своим ближайшим преемникам старая большевицкая гвардія оставляет не систему своих цѣлей, а вынужденную жизнью систему

революціонных средств: самонадѣянность, презрѣніе к чужой вѣрѣ, жестокость воли, примитивность мысли, мужество осуществленія любого замысла, пафос борьбы, войны и новаго націонализма. Если старая гвардія, породившая революцію, еще имѣла какое-то отношеніе к слову Маркса, о необходимости борьбы за «реальный гуманизм», то порожденная революціей новая большевицкая армія этого отношенія уже ни в какой мѣрѣ и степени не чувствует.

В этой своеобразной обстановкѣ, среди мертвых революціонных идей и безыдейных революціонеров, в которых «октябрь» все еще жив как фактъ, но уже давно мертв как смысл, вырастает третье поколѣніе уже не сынов, а внуков октября.

К этому поколѣнію, которому сейчас 14-18 лѣтъ, облик котораго мы, даже в ярком свѣтѣ нашей вѣры в Россію и интуитивнаго предчувствія ея пути, лишь смутно разгадываем по рассказам совѣтских людей и намекам в совѣтской литературѣ, и обращаемся мы с нашею проповѣдью. Конечно, не в утопической надеждѣ, что на с услышат и на м на слово повѣрят, а в трезвом расчетѣ на время и на самостоятельную духовную работу русской молодежи. Как бы ни пыталось совѣтское государство духовно связать ее по рукам и по ногам, она неизбѣжно должна будет задуматься над тѣм, почему дѣдам не удалось осуществить рай на землѣ, почему свѣтлый рай превратился в мрачный застѣнок. Задумавшись же, оно должно будет само натолкнуться на тот путь живой вѣры, реальной (духовной и матеріальной) свободы и конкретной (любящей живого русскаго человѣка, а не отвлеченнаго пролетарія) справедливости, на который зовет «Новый Град».

Думаю, что послѣ всего сказаннаго, Г. В. Гессен согласится с нами, что, и игнорируя первопланшых, так сказать, наслѣдников большевизма, — усталых обывателей и темных воротил — мы не рискуем оказаться иллюзионистами-утопистами, доп-Кихотами. Не рискуем потому, что, во-первых, сознательно мѣтим в далекую цѣль, а, во-вторых, потому, что твердо уповаем на ту духовную первооснову жизни, которой можно без конца измѣнять, но которой никогда нельзя отмѣнить.

Ф. Степун.

К ДѢЛУ

Есть в нѣкоторых наших современных установках свойства, внушающія мнѣ чувства крайняго противленія. И, к сожалѣнію, эти свойства особенно сильны в теченіях, имѣющих касательство к пореволю-

ціонності. Я сказала бы так: любая теорія предпочитається всякому конкретному дійствованню, любая схематизація оправдується і расцїнюється, як нїкаторе досягненіє.

У мене же сейчас очель острое чувство, что всякая даже замѣчательная теорія во всяком случаѣ менѣе цїнна и нужна, чѣм всякая даже не очень значительная практика. И всякую теорію надо в первую очередь проверить именно с точки зрѣнія возможности ея немедленного воплощенія, — что и как она в нашей жизни мѣняет. Очель боюсь, что исторія, выслушав декларативную часть новгородских заданий, сейчас говорит им: «Отлично, будьте любезны прислать ко мнѣ вашего архитектора, чтобы я могла ознакомиться со смѣтой этих новых предполагаемых построек, с точным планом улиц, площадей и домов Нового Града, — до этого у меня нѣтъ оснований для окончательного сужденія о пригодности ваших принципов».

Потребность конкретности, — первое, что я чувствую со всей остротой.

Второе, что мнѣ кажется сейчас совершенно необходимым, — это пересмотр отношенія к совѣтским самым разнообразным достижениям. Думается мнѣ, что на основѣ нашей эмигрантской инертности, как бы в видѣ нѣкотораго средства для выработки бодрости и надежды, сейчас все сильнѣе и сильнѣе говорят о том, что по ту сторону совѣтской границы так много замѣчательнаго и так много полновѣснаго, и завѣдомо ясно: Россія не только не погибла, а, наоборот, таит под спудом небывалую творческую жизнь. И тут надо сказать: слава Богу, если это так. Но даже если это и так, — совершенно безумно нам на это ориентироваться, — во-первых, потому что это не доказано и недоказуемо, во-вторых, потому, что внутри-русское творчество не снимает с нас наших творческих задач. И, наконец, потому, что русская действительность есть нѣчто чрезвычайно хрупкое, подверженное тысячѣ случайностей, и не дающее никакой возможности стоящему в ея кругѣ чувствовать себя прочно на ногах.

Скажу так: пусть достижения там чрезвычайны, пусть какіе-то энтузіасты стеклят крыши тракторных заводов, обгоняют Америку и прочее. С точки зрѣнія рабочей, нам до этого просто нѣтъ дѣла. Они стеклят, они обгоняют, — мы то при чем тут? С нас это ничего не снимает, и нам это ничего не дает. В качестве рабочей гипотезы, в качестве единственной плодотворной системы ориентировки в собственных задачах надо принять на себя всю отвѣтственность за построение русской духовной культуры, надо не рассчитывать на явные и тайные планы и смѣты, яко бы имѣющіеся в Россіи. Надо сознательно сказать себѣ: «что я сдѣлаю, то и будет сдѣлано», — или — «что мы сдѣлаем, то и будет сдѣлано». Всяческія же рѣчи и статьи о тамошних достижениях — очень при-

ятно бодрящій матеріал, но и только. Важно не слишком от этого матеріала приободриться.

Из такой установки не слѣдует, конечно, дѣлать вывод о том, что мы соль земли, — она должна вести не к самомнѣнію, а лишь к чувству повышенной отвѣтственности.

Если это вѣрно в отношеніи различных вопросов культуры и быта, то еще безконечно вѣрнѣе по отношенію ко всему, что связано с жизнью Церкви.

Помнится мнѣ, как нѣсколько лѣт тому назад до нас достигали, хоть и неопредѣленные, но упорные слухи о том, что на Сѣверном Кавказѣ есть огромныя монашескія скопленія, скиты, отшельники, напряженная духовная жизнь, притягивающая к себѣ вѣрующих со всей Россіи. Ползли эти слухи, ползли. А потом пріѣхал из Россіи человек и сказал, что были на Сѣверном Кавказѣ грандіозныя облавы, выловлены около четырех тысяч человек одних монахов, — и никакого религіознаго центра там не осталось. Там печально и неразумно было бы нам ориентироваться на эти сѣверо-кавказскіе центры и пребывать в покоѣ: у нас, мол, плохо, зато там благодать.

Слава Богу, если наши усилія погонут в тѣх огромных усиліях, которыя есть в Россіи. Но не на это мы должны ориентироваться, а на то, что наши усилія могут оказаться е д и н с т в е н н ы м и, — и поэтому мы должны их сдѣлать м а к с и м а л ь н ы м и.

Эти общія соображенія имѣют, на мой взгляд, рѣшающее значеніе во всѣх наших дѣлах. Кто понял, что у меня нѣтъ и рѣчи о нашем зарубежном самомнѣніи, а только — о нашей зарубежной отвѣтственности, тот не смутится утвержденіем, что, может быть, русская православная Церковь очель близка сейчас к новому, парижскому періоду своей исторіи. Гдѣ уж тут самомнѣніе, когда такое утвержденіе вызывает в первую очередь трепет и ужас! В самом дѣлѣ, мы, вѣдь, безконечно безотвѣтственны в нашей церковной жизни, и вдруг призрак такой, — что, кромѣ нея, может ничего другого и не остаться во всей вселенной. Мы знаем, напримѣр, что единственная настоящая высшая школа русскаго православнаго богословія существует в Парижѣ. — Как ясно, что профессора и слушатели такой е д и н с т в е н н о й школы должны совѣм иначе воспринимать свою отвѣтственность, чѣм если бы они чувствовали, что вот, мол, у нас то или иное не ладно, зато в других мѣстах все обстоит благополучно. И это же сознание отвѣтственности, кажется мнѣ, должно сопутствовать всей нашей церковной жизни.

С точки зрѣнія такой основной установки, с точки зрѣнія пріятія на свои плечи всей отвѣтственности и всѣх не только охранительных, но и творческих церковных задач во всей их конкретности, мнѣ бы хотѣлось проанализировать наше положеніе.

И в стремленіи к большей конкретности, мнѣ даже не хотѣлось

бы говорить об общем церковном положении, но лишь об одной стороне церковной жизни — о монашестве.

Что из себя представляет сейчас монашество в России? Бог вѣдает. Одни скажут: разгромлено, уничтожено, распалось, растворилось в советском быту, — и говорить не о чем. Другие скажут: что ни приход, то малая монастырская община, не осталось монастырей, — зато монашество пронизало всю церковную жизнь насквозь. Будем надеяться, что правильно второе мнѣніе, но будем работать, как будто бы право было первое мнѣніе, потому что у нас нѣтъ никаких данных утверждать, что даже если монашество сохранилось до сих пор, оно сохранится и в дальнейшем. Значит, там — катакомбная жизнь, на которую мы не имѣем права ориентироваться.

Есть еще по эту сторону советской границы старые монастыри: Валаам, Коневец, Псково-Печорскій монастырь — мужскіе, есть Рижскій и Пюхтицкій — женскіе. Есть монастыри в Польшѣ (Почаевская Лавра), есть в Сербии.

Этим дѣлом мнѣ пришлось быть в Прибалтикѣ и в Финляндіи. Много я видала, о многом узнала из рассказов очень свѣдущих людей. Может-быть, самое страшное, что явно сейчас в этих старых монастырях, — это возраст монахов и монахинь. Вѣдь, скажем, на Валаамѣ постригаться нельзя, — от механически обречен на вымирание. В Прибалтикѣ безконечно затруднены постриги немѣстных подданных, — а гдѣ же рассчитывать на специфическій расцвѣт монашеских идеалов у латышей и эстонцев? Монастыри пустуют, — это несомнѣнно.

Но даже помимо этого явления, общее впечатлѣніе от этих монастырей заставляет сильно задумываться. В них, несомнѣнно, много личного благочестія, личного подвига, может-быть, даже личной святости; но как подлинныя организмы, как вѣкое цѣлое, как вѣкая стѣна нерушимая, они просто не существуют.

Так ясно, что, переступив большевицкій сапог через границу, — благо она так не далека, нѣсколько десятков километров, — и ничего от монастыря не останется. Или попадет он в какую-нибудь комбинацію несложной и провинціальной мѣстной политики, — опять-таки — вопрос будет стоять о его существованіи. А тут еще у многих монастырей, как жернов на шеѣ, богатство ризницы, или рыбныя ловли, или уголья, дѣла, — у всякаго, сильнаго и властнаго, разгарается аппетит.

Значеніе этих лимитрофных монастырей несомнѣнно: они блюдут завѣты, они берегут огромные клады прошлаго быта, золотой ларец традицій и благолѣпія. Надо вѣрить, что они доберегут, дохранят, достерегут. Но это все, на что можно рассчитывать. Они, может-быть, даже провиденціально попали в такія своеобразныя, далекая от всякой современности условія, что хрупкое и нѣжное очарованіе их

быта, возможно, так и не будет подвергнуто никакому насилію, никакому соприкосновенію с нашей страшной, слишком быстрой и слишком напряженной жизнью.

Но опять-таки перед общецерковным дѣлом было бы преступно и легкомысленно сказать, что вот, мол, они существуют, а потому вопрос и разрешен, не о чем нам больше беспокоиться.

И тут я подхожу к главной моей темѣ, — к положенію монашества у нас.

И вот тут встает вопрос о нашем монашествѣ, о монашествѣ, которое должно стать новым монашеством, потому что для стараго монашества не оказывается старых условій жизни, потому что новая наша жизнь и к монашеству предъявляет новыя требованія.

Тут сразу я чувствую возраженія тѣх, кто старается быть слѣпым и никаких этих новшеств не видѣть. Они говорят: монах — это один, отъединенный, инок — это иной, — о какой новой жизни можно тут говорить? Православное монашество — это не то, что католическое, — оно всегда было созерцательно, и есть что-то недопустимое для религіознаго сознанія в каких-то новых видах активнаго, в міру пребывающаго монаха.

В таком разсужденіи все подлежит опроверженію.

Вѣрно, что монах — это один, инок — иной. Но это вѣрно только в смыслѣ их внутренней установки, в смыслѣ отъединенности от поисков «своего» в мірѣ. Но подлинное одиночество, сопрягаемое и с ви́шним одиночеством, во всѣ вѣка существованія монашества было удѣлом самаго незначительнаго числа монахов. Общежительные монастыри никогда не были мѣстом уединенной созерцательной жизни, а скорѣе растили братскую любовь на основаніи совмѣстной молитвы и совмѣстнаго труда, совмѣстных трапез и совмѣстнаго подвига. И особенно уж наши русскіе монастыри всегда неизбѣжно организовывали не только духовную жизнь своих уединенных насельников, но организовывали хозяйственную и культурную жизнь всей общины, всего монашескаго коллектива. Они не только предавались созерцанію и молитвам, — они сѣяли, косили, ловили рыбу, учили дѣтей, колонизовали окраины, были религіозными, культурными, экономическими центрами.

Правда, за послѣднія столѣтія они в большой степени утратили такое значеніе, — и это от того, что вообще в теченіе послѣдних столѣтій вся Церковь утратила свое первенствующее значеніе.

Так вот, при сознаніи нашей безмѣрной ответственности в церковных дѣлах, рѣчь не может идти только о том, чтобы у нас вообще было монашество. Этого недостаточно: наше монашество должно поставить перед собою задачу занять такое же организующее мѣсто в нашей жизни, какое ему принадле-

жало в отдаленныя времена. Задачу надо ставить во весь рост и не смущаться ея размѣрами.

Посмотрим, что происходит сейчас фактически. Постригаются в монахи. Постригаясь, совершенно искренне думают чуть ли не об отшельничествѣ. Встѣд за постриженіем рукополагаются и вскорѣ оказываются на приходах, во всей гущѣ жизни, активными священниками. Так жизнь предъявляет свой запрос монашеству.

Вопрос не исчерпывается, конечно, своеобразным поглощеніем монашества приходами. Мы стоим накануне новых чисто монашеских форм его существованія. И эти формы должны организовывать самыя разнообразныя жизненныя потребности.

Мнѣ хотѣлось бы привести один из возможных проектов такой организации. Представим себѣ большое женское трудовое общежитіе. Со стороны экономической это означало бы организацию жизни по принципу трудовой коммуны, с возможностью максимально дешеваго существованія для каждаго члена такого начинанія. При этом дѣлѣ должны существовать большія мастерскія, берущія на себя выполненіе самых разнообразных дешевых работ. Дешевизна общежительнаго быта давала бы возможность не тратить всего дня на заработок, а оправдывать свое существованіе четырьмя-пятью часами труда. Остальное время можно было бы проводить — для одних — в ученіи. При пяти часах труда их вполне можно сочетать даже с высшей школой, обеспечивая себѣ самим стипендію, необходимую для этого. Другія, имѣющія склонность к настоящей монашеской жизни, могли бы и ее организовать на основѣ такого общежительнаго дѣла. А кромѣ того постепенно к нему можно было бы приспособить и практическіе миссіонерскіе курсы, — в дальнѣйшем, может-быть, и миссіонерское дешевое издательство, обслуживаемое собственной типографіей с собственными наборщицами.

Таким путем можно было бы создать центр новаго активнаго монашества, центр, концентрирующій в себѣ подлинное духовное ядро, удовлетворяющій большой потребности, которая несомнѣнно существует. Это ядро несло бы на своих плечах большія и творческія задачи активнаго православія и организовывало бы около себя не только духовную, но и экономическую и бытовую жизнь значительнаго числа людей, находящихся сейчас в той или иной степени распыленія.

Что против этого можно возразить? Только то, что наряду с нашими планетарными теоріями задача эта не планетарнаго размаха. Но для того, чтобы планетарныя теоріи хоть что-либо значили, их необходимо укоренять в самой будничной конкретности. Мы обычно очень хорошо знаем, что мы дѣлаем сегодня и что мы будем дѣлать послѣ завтра. Провал только относительно планов на завтрашній день. Все написанное и есть попытка восполнить этот пробѣлъ.

Монахиня Марія (Скобцова).

КНИГИ

H. BERGSON. Les deux sources de la morale et de la religion. F. Alcan, Paris 1932 (346 p.p.).

Новый труд Бергсона, долгожданное завершеніе его системы, содержит в себѣ основы этики и философіи религіи. Бергсон различает два типа морали — замкнутую (относительную) и открытую, абсолютную. Первая имѣет в виду нужды ограниченнаго круга существ — индивидуума, его семьи, его отечества; вторая охватывает все человечество, даже весь мір. Перейти от первой морали ко второй путем постепеннаго расширенія круга охватываемых ею существ нельзя, потому что различіе между этими двумя типами морали не количественное, а качественное. Замкнутая мораль есть созданное природою приспособленіе человека, имѣющее цѣлью самохраненіе и благополучіе индивидуума и общества. Она основана на безличных привычках, социальном принужденіи, стремленіи к удовольствію, включает в себя возможность ненависти; наоборот, абсолютная мораль исходит из всеобъемлющей любви, основана на мистическом религіозном опытѣ, осуществляется с

энтузіазмом, дает не удовольствіе, а радость, творится личными усиліями этических геніев и распространяется путем личнаго подражанія им. Одним словом, замкнутая мораль имѣет биологическую основу, абсолютная мораль — мистическую. Чтобы понять глубже соотношеніе их, нужно перейти к рассмотренію двух типов религіи — статической и динамической.

К области статической религіи Бергсон относит всѣ религіи, включая и христіанскую, поскольку онѣ выражают сферу божественную в ограниченных образах и понятіях. Религія в этом ея аспектѣ есть по Бергсону «защитная реакція природы против всего того в дѣятельности интеллекта, что могло бы угнетать индивидуума и разлагать общество» (219) (защита от эгоизма, рекомендуемаго интеллектом, от страха смерти, магія, как средство защиты от случайностей). Содержаніе этой религіи вырабатывается способностью «фабуляціи», создающей фикціи.

Статическая религія интеллектуальна; наоборот, динамическая религія супраинтеллектуальна. Она опирается на мистическое соединеніе души человека с Богом, дающее опытное доказательство бытія Бога (257). Но

этого мало, высшая ступень мистики, достигаемая не греческою философиею и не индусскими религиями, а христианством, не останавливается на созерцательных состояниях, а ведет к величайшему напряжению активности путем слияния воли индивидуума с волею Божиею (248).

В книгѣ Бергсона, как и в предыдущих его трудах, много блестящих мыслей, выраженных красивым языком. Особенно цѣнны доводы в пользу объективности мистического опыта и общія соображенія о мистицизмѣ, подтверждаемые современною философскою литературою, проникающею все глубже в эту область жизни духа.

К сожалѣнію, однако, существеннѣйшія проблемы философін религій в книгѣ Бергсона не только не рѣшены, но даже иногда и не затронуты. О Богѣ вскользь сказано, что Он есть Любовь и предмет любви (270), что Он творит творцов, достойных Его любви (273). Но каково отношеніе Бога и міра, слѣдует ли его понимать в духѣ пантеизма или теизма или как-либо иначе, на это нѣтъ и намеков в книгѣ. Поднимаемая вопрос о безсмертіи, Бергсон говорит, что можно допустить сохраненіе личности послѣ смерти, потому что у нея есть функции, независящія от тѣла, однако есть ли это переживаніе тѣла на время или навсегда, этот вопрос оставляется не рѣшенным (283). Проблема зла не только не рѣшена, но даже и не поставлена.

Кромѣ неполноты, труду Бергсона присущ еще другой, болѣе

серьезный недостаток: крайній биологизм в ученіи о замкнутой (относительной) морали и статической религій, откуда получается утилитарно-эвдемоистическое пониманіе замкнутой морали и статической религій, а также субъективированіе содержанія статической религій. Можно попытаться защитить Бергсона указаніем на то, что фактическая мораль и религій, по его ученію, всегда содержит в себѣ сочетаніе обоих найденных им видов религиозно-нравственной жизни, и что он только в абстракціи намѣчает два полюса этих проявленій — небесный и земной. Однако эта попытка защиты недостаточна. Сам Бергсон признает, что мистик на низших ступенях единенія с Богом, сопутствуемых видѣніями, угадывает присутствие силы Божіей «сквозь символическое видѣніе» (248). Это возможно лишь в том случаѣ, если символическіе образы христианской религій понимаются не как субъективная фабуляція, а как «реальные символы», в которых, сообразно нашей ступени пониманія, Бог вступает с нами в реальное общеніе (такой реалистическій символизм развит, напримѣр, в книгѣ Бердяева «Философія свободнаго духа»). Отсюда намѣчается возможность философін религій, которая истолковывает исторію «статических» религій, как постепенное осознаніе человѣком Бога и божественных сил в мірѣ; неизбежная в этом процесѣ «фабуляція» осуществляется на реальной основѣ. Замѣчательныя попытки такого пониманія исторій религій

даны Шеллингом и Эд. Гартманом.

Также и в нравственной дѣятельности человѣка на основѣ «замкнутой» морали, кромѣ стороны биологическаго приспособленія, есть момент подлинно нравственный, именно безкорыстный патриотизм, как одна из слагаемых поведения участников войны). Объяснить эту слагаемую нельзя ни ссылкой на биологическіе факторы, ни указаніем на мистическое единеніе с Богом. Для пониманія этой самой обширной сферы нравственных проявленій человѣка в земных условіях нужно разработать ученіе о положительном значеніи относительных цѣнностей земнаго бытія, ученіе о іерархіи их и о воспріятіи их человѣком.

Н. Лосскій.

Bertrand de JOUVENEL. *L'Économie dirigée*. Paris 1928 (Bibl. Syndicaliste). Librairie Valois.

Основная идея превосходной по ясности мысли, по трезвости и осведомленности книги Жувенеля — идея синтеза «соціализма» и «капитализма». Капитализм — «тезис», социализм — «антитезис». По марксовою діалектикѣ выходило, что, замѣнив «тезис» «антитезисом», уже тѣм самым, волшебным об-

разом, можно осуществить синтез. В Россіи и был сдѣлан опыт этого. Что же вышло? Рабочій — бывший рабом частнаго капитала, обратился в раба капитала «общественнаго», на дѣль — государственнаго. Чрезвычайно важно свидѣтельство автора о новом теченіи в синдикализм — результат воспитанія масс в военную пору и русскаго опыта. Синдикализм раньше был «индивидуалистичен» — в том смыслѣ, что он противопоставлялъ рабочій класс всѣм прочим; сейчас он «соціалистичен» — в смыслѣ признанія взаимозависимости и солидарности общественных классов. Осуществлена ли эта солидарность в современном капитализмѣ? Есть эволюционисты, отвѣчающіе на это положительно. Главный факт — «децентрализация» капиталов путем размѣченія акцій в частных руках. Но социализм — не одно и то же, что социальное сотрудничество. Акціонер не участвует никак в хозяйствованіи. А, вѣдь, главная проблема нашего времени именно эта: возстановить органическое строеніе общества, так, чтобы каждый член его чувствовал и сознавал свою моральную связь съ общим. Ни капитализм, выражающийся в банкротствѣ (это превосходно прослѣжено у Жувенеля), ни коммунизм, скинувшийся самым ужасающим депотизмом государства, этому требованію не удовлетворяют. Вмѣстѣ с F o u r g e a u d (см. мою рецензію на его «Rationa-

lisation», «Новый Град», III), Жувенель видит исход в рационализации хозяйства и хозяйствования. В современном государстве политика подчинена капиталу. В государстве «органическом» она должна направляться хозяйством — а не в нем, и хозяйствование должно направляться интересами и потребностями народа, Общества, воплощенного в Государстве, Государства, на деле, а не формально объединяющего Общество и выражающего его волю. Рационализация и состоит в общественном распоряжении хозяйствованием («économie dirigée»), что предполагает знание общественных нужд и средств их удовлетворения, и что вовсе не предполагает ни «обращения человека в машину», ни — что го же — подчинения всех трудящихся кучке спецов-чиновников. Наоборот: рационализация осуществима только при условии, когда каждый член общества вместе и «трудящийся» и «чиновник» (в передаваемом одним словом по русски прямом смысле французского *fonctionnaire*) и соучастник в пользовании собственностью: проблема отмены частной собственности просто отпадает, когда собственность из объекта *utendi et abutiendi* обращается в функцию. Но такое Государство-Общество не осуществимо в формах нынешней парламентарной демократии, демократии профессионалов-политиков на службе у банков. «Органическое», хозяйст-

вующее Государство — Государство Синдикалистское. Член этого государства не «подданный», не бесконечно-малая дробь «Суверена, но ко-оператор, новый человек. Здесь возникает одна, в сущности самая важная, проблема. Откуда этот «новый человек» возьмется? Сомнительно, чтобы одной реформы конституции — например, замены партийного представительства представительством «компетенций» и интересов — было достаточно, чтобы «подданный» — «избиратель» стал подлинным «гражданином Нового Града». Французский автор, у которого столь много точек соприкосновения с русскими представителями «по-революционной мысли», вопроса о создании «нового человека» не касается вовсе. А между тем, повторяю, в этом вся суть дела. Еще можно надеяться, что в том случае, когда работают вместе, при рационально поставленной работе, из работника в конце концов выйдет гражданин. Сейчас — другое: сейчас уже становится ясно, что, чем рациональнее будет устроена общественная жизнь и в частности хозяйствование, тем меньше настоятельно общество будет требовать от своих сочленов осязаемого, выражаемого в единицах времени или в расходимых калориях, или в чем-либо в этом роде, труда. История ведет наш мир даже не к «Утопии» и не к «Солнечному Граду», а к «Телемскому аббатству». Но в Телемском аббатстве был отбор людей благородных и хорошо воспитан-

ных», говорит Рабл. А сейчас? — Христианство? Но христианство не железа, которую можно привить. Это, повторяю, сложнейшая проблема, которую *Weltverbesserer* почему-то обычно обходят, проблема новой педагогики. Но ее обсуждение выходит из рамок рецензии.

П. Бицилли.

V. A. DEMANT. *This unemployment. Student Christian Movement Press. London 1931, p. 158.*

Книга английского экономиста Деманта, одного из лидеров христианско-социальной «Лиги Царства Божия», издающей журнал «*Christendom*», представляет интерес для всех тех, кто хочет познакомиться с английской точкой зрения на причины и характер современного хозяйственного кризиса. Хотя автор неоднократно указывает на свое расхождение с рядом авторитетных английских ученых, его труд отражает в себе популярный в Англии теория о влиянии банковской кредитной политики на конъюнктуру и о вреде капитального строительства за счет потребления. Из известных английских экономистов особое влияние на автора оказали финансист Хотри и социалист Гобсон.

Особой заслугой Деманта является, пожалуй, его анализ процесса рационализации, форсирующей экспорт за счет внутрення-

го потребления, и борьба против психоза производства во имя производства, а также и против привычного нам утверждения, что понижение рыночных цен всегда вызывает повышение спроса и оздоровление конъюнктуры. Как и большинство английских экономистов, автор считает главнейшей причиной безработицы разрыв между рыночными ценами и покупательной силой населения. Он возражает против мнения авторитетных ученых Кейнса, Бевериджа и Клейна, что оздоровление хозяйства возможно через понижение цен путем рационализации и дальнейшего форсирования производства. Демант справедливо указывает на отрицательные последствия рационализации, увеличивающей «технологическую» безработицу и вызывающей падение покупательной силы внутри страны; так же справедливо замечание автора, что рыночные цены в Англии упали ниже уменьшившегося дохода отдельных производителей, не вызвав повышения сбыта фабрикатов. Отрицая благотворное влияние рационализации, удешевляющей производство за счет покупательной силы населения, Демант отвергает и увлечение протекционизмом, стимулирующим хозяйственную жизнь за счет потребителей. По его мнению, эти оба явления вызваны к жизни психозом форсированного экспорта, дающего передышку капитализму искусственным понижением технологической безработицы, вызванной технической ре-